

Р. И. Инсафутдинов

НЕОТСТУПНАЯ ПАМЯТЬ

ЛЕНИЗДАТ

Р. И. Инсафутдинов

НЕОТСТУПНАЯ ПАМЯТЬ

ЛЕНИЗДАТ • 1989

Инсафутдинов Р. И.
И69 Неотступная память. — Л.: Лениздат, 1989. —
112 с., ил.
ISBN 5-289-00326-6

В период фашистской оккупации в районах, где граничат Белоруссия, Латвия и РСФСР, был создан Партизанский край. Здесь, в окрестностях Себежа, сражались с гитлеровцами ленинградцы под командованием комсомольца Монсеенко и белорусский отряд Дубняка — под этим именем действовал в тылу врага комсомолец Машеров.

О героической борьбе народных мстителей в годы Великой Отечественной войны рассказывает бывший комиссар отряда ленинградцев.

И $\frac{1305010000-019}{M171(03)-89}$ 83—89

63.3(2)722

Рецензент —

бывший командир 10-й Калининской партизанской бригады *Н. М. Вараксов*

Литературная запись *Николая Масолова*

Редактор *Н. К. Новиков*

Разитдин Инсафутдинович **ИНСАФУТДИНОВ**

НЕОТСТУПНАЯ ПАМЯТЬ

Заведующий редакцией *В. Ф. Лепетюхин*. Младший редактор *Ю. В. Артемьева*. Художник *А. Е. Нечаев*. Художественный редактор *А. А. Власов*. Технический редактор *И. В. Буздалева*. Корректор *М. А. Турундаевская*

ИБ № 3739

Сдано в набор 30.06.88. Подписано к печати 03.11.88. М-34815. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,90. Усл. кр.-отт. 5,43. Уч.-изд. л. 5,10. Тираж 15 000 экз. Заказ № 588. Цена 40 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

ISBN 5-289-00326-6

© Лениздат, 1989

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

В разгар Великой Отечественной войны не было ни одного уголка на оккупированной территории Советского Союза, где не велась бы открытая или тайная борьба против немецко-фашистских захватчиков, за восстановление родной Советской власти. Многообразными были формы партизанских действий. Отряды и бригады народных мстителей уничтожали вражеские железнодорожные эшелоны, спешившие к фронту, взрывали склады с боеприпасами, громили фашистские гарнизоны, срывали экономические мероприятия оккупационных властей, спасали людей от угона в «неметчину», вели разведку. Так было под Ленинградом и Брянском, на берегах Великой и Днепра, в Белоруссии и Латвии, повсеместно. Нацистским главарям часто приходилось отдавать приказы о снятии с фронта полевых частей вермахта и отправке их на так называемое «умиротворение» оккупированных территорий. Осенью 1943 года против партизан действовало 14 немецких дивизий плюс несколько соединений союзников Германии.

Особенно широким размахом партизанского движения был в Белоруссии. Партизаны и подпольщики непокоренной республики оказали неоценимую помощь Красной Армии при наступлении летом 1944 года, когда проводилась операция «Багратион». Накануне они подорвали 40 тысяч рельсов и тем самым дезорганизовали почти все важнейшие железнодорожные коммуникации вра-

га на огромном участке фронта. Западногерманский историк Гахенгольц в книге «Решающее сражение 2-й мировой войны» отмечает, что начало разгрома гитлеровской группы армий «Центр» «...было положено действиями 240 тысяч партизан Белоруссии, которые за одну ночь 19—20 июня взорвали все железные дороги в 10 тысячах мест... и парализовали транспортную систему». Бывшего офицера вермахта Гахенгольца в симпатиях к советскому народу не заподозришь.

Белорусские партизаны совместно с партизанами Калининской области и Латвии во вторую военную осень на стыке трех республик создали партизанский край. Он сыграл важную роль в дальнейшем развитии партизанских действий в тылах групп фашистских армий «Север» и «Центр».

Создание братского партизанского края не было и не могло быть единовременным актом. Оно было подготовлено самоотверженной борьбой многих небольших отрядов партизан, подпольных организаций, возникших в первые месяцы войны. Таких, как группа секретаря Себежского райкома партии Ф. А. Кривоносова, партизанский красноармейский отряд политрука Дмитрия Пенкина под Невелем, партизанская группа молодых латышей «Смолокуры» Александра Грома.

Среди тех, кто первым поднял знамя борьбы, были и герои книги «Неотступная память». Будучи начальником оперативной группы по руководству партизанским движением 3-й и 4-й ударных армий, я слышал о мужестве «сергеевских ребят» — так по имени командира народ называл бойцов отряда Моисеенко — и партизан Дубняка — под этим именем действовал в тылу врага Петр Машеров, знал и спецотряд капитана Петракова — мастера дерзких рейдов в тыл врага.

Автор «Неотступной памяти» прошел через горнило испытаний первых, наитяжелейших недель Великой Отечественной, стал комиссаром «сергеевских ребят».

Он мужественно и скромно выполнял свой долг коммуниста, когда отряд Сергея Моисеенко влился в бригаду «За Советскую Белоруссию». С большой сердечной теплотой рассказывает он о своих боевых товарищах.

«Понадобится самое большое с библейских времен чудо, чтобы спасти красных от полного поражения в кратчайший срок», — писала газета «Нью-Йорк пост» на третий день войны — 24 июня 1941 года.

И это чудо свершилось. Нет, не тогда, когда сотни вражеских танков и самоходных орудий горели на полях гигантской битвы под Курском и Орлом. И не тогда, когда тысячи советских солдат форсировали Одер и вышли к Эльбе. Оно, это чудо, произошло в 1941 году, когда отборные дивизии вермахта вынуждены были зарываться в землю под Ленинградом, когда фашистская армия повернула вспять от Москвы. Уже в первые месяцы, а точнее, в первые недели Великой Отечественной войны сказались непреоборимая сила советского строя, неколебимая верность Красной Армии и народа родной Советской власти.

Из этих чистых родников и черпали силу герои книги. Страницы ее полны ярких примеров, подтверждающих прекрасные слова Алексея Толстого: «Родина наша — колыбель героев, огненный горн, где плавятся простые души, становясь крепкими, как алмаз и сталь».

Мне представляется очень точным название книги. Да, только над памятью не властно всесильное время. А для бывших фронтовиков и партизан память — это долг. И перед теми, кто не дошел вместе с ними до Победы. И перед новыми поколениями, которым жить, строить, создавать и беречь самое дорогое, что у нас есть, — Родину.

С. СОКОЛОВ,
начальник штаба партизанского
движения Калининской области
в годы Великой Отечественной войны

*Светлой памяти комсомольцев —
ленинградца Сергея Моисеенко
и витебчанина Петра Машерова.*

Автор

НА ПОКЛОН К ИСТОКАМ СИНЕЙ

Пролог

Каждый год, когда наступает лето, меня как магнитом влечет к себе голубой озерный край — места, где стыкуются земли трех братских республик: России, Латвии, Белоруссии. Здесь, окрест древнерусского города Себежа, в годы минувшей войны кипели жаркие бои народных мстителей с гитлеровцами. Здесь в трагически тяжелые дни сорок первого стал и я с товарищами по оружию на партизанскую тропу.

Приехав в Себеж, я спешу в семью Петра Власова. Это его отец, Андрей Лукич, замученный фашистами, помог нам, красноармейцам, оказавшимся на оккупированной территории, объединиться. Это Петр, тогда еще мальчишка, принес после гибели отца спрятанные им винтовку и три кинжала и, скрывая слезы, по-взрослому сказал: «Я навсегда с вами».

С нетерпеньем ждем мы с Петром Андреевичем первое воскресенье июля. Обычно в это время в Себеже стоит прекрасная погода. Бездонная синева неба опрокинута над голубыми озерами, с трех сторон окружившими город. Горизонт еще в багряных тонах, а мы уже в пути: спешим к истокам реки Синей.

Почему в первое воскресенье и почему к Синей? По традиции. Вот уже тридцать лет, как в глухом бору на большой лесной поляне, где Синяя еще не река, а ручеек, в первый воскресный день второго летнего месяца

собираются бывшие партизаны Белоруссии, Латвии и Калининской области. Здесь в 1959 году они в память о совместных боях насыпали курган, посадили на его вершине дуб и проложили три аллеи. Березовая убегает в сторону белорусской земли. Липовая ведет к Латвии. Клены направлены к столице озерного края — Себежу. У кургана прекрасное имя — курган Дружбы.

В лесу еще тихо, когда мы по деревянному мостку переходим Синюю. Ручеек поет, весело пробегая по отшлифованным камешкам. Но вот в тишину лесного утра вторгаются человеческие голоса, гудки машин.

Со всех концов съезжаются на поклон к Синей, к кургану Дружбы, бывшие партизаны. Некоторые из них приезжают не каждый год, но зато с семьями. Что ни человек, то живая легенда. Вот размашисто шагает навстречу нам Саша Гром — один из первых подпольщиков Латвии, в прошлом лихой разведчик. Рядом с ним — приземистый крепыш. Это командир прославленного в годы войны отряда партизан-латышей легендарный Вилис Петрович Самсон. Так же молодо улыбается, то же спокойствие, как и во время горячих схваток с оккупантами. Только вот «серебра» стало много на висках. Поседел и Иван Кузьмич Захаров, окруженный стайкой пионеров. Ему есть что рассказать красным следопытам. Бригада под его командованием храбро сражалась и на родной белорусской земле, и на берегах Синей — по-латышски река зовется Зилупе.

Свернув с дороги, большой автобус выгружает среди корабельных сосен гостей из города Калинина. Издали виднеется высокая фигура. Это Федор Бойдин. В то грозное время самый молодой партизанский комбриг в стране. Выпускник артиллерийского военного училища лейтенант Бойдин командовал в 1941 году огневым взводом на Смоленской дороге к Москве, а спустя год девятнадцатилетний комсомолец принял под свое начало 1-ю Калининскую партизанскую бригаду. Рядом с

Бойдиным бывшие разведчики Виктор Терешатов и Владимир Заболотнов.

К полудню лес полон людей. Тут ветераны, студенты, колхозники, школьники, рабочие, воины Советской Армии. Они прибыли из Витебска и Пскова, из Лудзы и Великих Лук, из Ленинграда и Острова.

Сигнал сбора. Мы с Петром Андреевичем спешим к колонне калининских партизан, что выстраивается между кленами. Гремят оркестры, и по трем аллеям идут ветераны народной войны к кургану Дружбы. А на поляне сотни людей, по-праздничному одетых, с цветами в руках приветствуют нас. Волнующее зрелище!

Короткий митинг. Возложение венков к памятникам казненного фашистами героя латышского народа Иманта Судмалиса, зверски убитой секретаря Себежского подпольного райкома комсомола Марии Пынто, комсомольцам-подпольщикам белорусской деревни Прошки. Народное гулянье. Оно продолжается до вечера. Выступают артисты. Идет показ кинофильмов. Молодежь толпится у танцевальной площадки. То там, то здесь звучит песня.

А на берегах Синеи уже дымят партизанские костры. Бригадные. Отрядные. И слышатся и радостные, и овеянные грустью восклицания-вопросы:

— А помнишь?..

— А знаешь?..

— А где-то наш?..

Вспоминаются стихи Льва Ошанина:

И вновь на местах, где гремели бои,
Глядим мы, седые старшины России,
В ушедшие вечные годы свои...

Да, они — вечные. Неумолимой чередой бегут дни, недели и годы. И все это время неотступная память со мной. Память о тех, кого нет с нами, и о тех, кто был рядом в час величайших испытаний. Им — негаснущая любовь моего сердца и страницы этого скромного труда.

ИДЕМ В БОЙ

Поезда ходят и по воскресеньям, даже чаще, чем в будние дни. Немудрено, что памятное всему миру июньское воскресенье 1941 года многие встретили в пути. И меня весть о вторжении фашистских войск на советскую территорию застала в поезде. Только наш поезд был особый — воинский эшелон. Впереди и позади нас тоже шли эшелоны — в них размещались части 112-й стрелковой дивизии, в которой я после окончания полковой школы командовал отделением.

Дивизия следовала с Урала к западной государственной границе. Все мы — красноармейцы и командиры знали: будут маневры. Точный маршрут был известен лишь командованию. Нас предупредили: писем с дороги родным и знакомым не писать. Конечно, о том, что мы попадем на фронт, никто не предполагал. Думается, и для наших старших начальников сообщение о начале войны было неожиданным. Но факт остается фактом: дивизия спешила на запад, туда, откуда мог быть нанесен удар по нашей границе.

В полдень 22 июня на полустанке в наш вагон вошли командир роты лейтенант Шатков и командир взвода младший лейтенант Васильев. Оба были взволнованы.

— Товарищи красноармейцы, война! — сказал Шатков.

— Где война? — раздался чей-то недоуменный вопрос.

— Там, куда мы спешим. В эти минуты наши пограничники и части, с которыми мы должны были взаимодействовать на маневрах, ведут смертельный бой с фашистскими войсками. Гитлеровским головорезам легко дались победы во Франции и Польше. Обнаглев, они вероломно нарушили договор между Германией и Советским Союзом и сегодня утром бомбили наши города. Но это даром им не пройдет. — Голос Шаткова окреп

и звенел, как натянутая струна. — И мы, уральцы, обязаны сказать свое слово, сказать на полях сражений с ненавистной коричневой чумой!

Непроизвольно возник митинг. Выступили Васильев, я и еще один боец. Говорили мало, но горячо. Всеми владело одно желание: проучить агрессора, поскорее вступить в бой. В нашем вагоне большинство солдат были мои земляки — башкиры. Выступая, я напомнил две башкирские народные пословицы: «В бой пошел — заслужил славу, спрятался — сложил голову», «Богатство — не богатство, единство — богатство».

Паровоз дал гудок, и мы двинулись дальше. Никто теперь не дремал. И песня не летела вместе с эшелоном вперед. Зато все вагоны наполнились разговорами. Вспоминая их теперь, спустя многие годы, меня не покидают два чувства: удивление наивностью суждений большинства моих боевых товарищей о силе врага и сроках войны и гордости за твердую веру в несокрушимость нашей социалистической державы.

Вологда встретила нас толпой народа на перроне вокзала, еще по-настоящему не осознавшей размаха беды, о которой город узнал из выступления В. М. Молотова, и окнами железнодорожных зданий, заклеенных крест-накрест бумажными полосками.

— Чего это они стекла перекрестили? — спросил красноармеец, бегавший за кипятком. — Испужались самолетов, что ли? Так разве сюда фашиста допустят?

— Всякое может быть, — сказал Шатков, он опять зашел в наш вагон, — у фашистов много авиации. Командир полка приказал установить у паровоза дежурство пулеметчиков. Конечно, врага мы вскоре отбросим с нашей территории, но горя он причинить нам может достаточно.

Это были первые слова, услышанные мною, трезво оценивавшие возможные перипетии начавшейся войны. Петра Ивановича Шаткова, выходца из семьи ураль-

П. И. Шатков

Р. И. Инсафутдинов

ских рабочих, в роте все уважали. Был он строг и справедлив. Часто запросто беседовал с бойцами. Я знал: у комроты есть жена и четырехлетняя дочурка.

На другой день шатковское «всякое может быть» подтвердилось. Над нашим эшелоном появился самолет. Мы заметили на нем кресты. Мнения разделились: одни говорили, что аэроплан санитарный, другие — немецкий. Последние оказались правы. Фашист-авиатор нас не бомбил, так как истратил боезапас на бомбежку шедшего впереди нас эшелона. Из пулемета были ранены четверо красноармейцев. Однако безнаказанно уйти врагу не удалось. Самолет подбили пулеметчики нашего 524-го стрелкового полка.

После Вологды маршрут наш несколько изменился,

и на третий день войны мы уже были на белорусской земле. Теперь каждая станция, полустанок встречали нас в тревоге. Запомнились буквально шеренги женщин, провожавших мужей и сыновей на фронт. Уже после войны мне как-то попались проникновенные строчки Ярослава Смелякова:

В дни, когда из окошек вагонных
Мы глотали движения дым
И считали свои перегоны
По дорогам к окопам своим,

Как скульптуры из ветра и стали
На откосах железных путей
Днем и ночью бесменно стояли
Батальоны седых матерей.

Как верно схвачено! Будто был поэт с нами в одном эшелоне.

Вражеская авиация довольно основательно бомбила железные дороги Белоруссии. Из-за ремонта путей и восстановления мостов скорость движения нашего эшелона нередко снижалась до 15—20 километров в час.

Станция Дретунь. Здесь наш полк выгрузился из вагонов. Мы сменили обмундирование, получили патроны, порядочно гранат, сухари, табак, сахар. Отсюда почти каждый из нас послал первую весточку, — для многих она оказалась и последней, — родным и близким. Полетело и мое письмо в Башкирию, где я родился, вырос и до призыва в армию работал заведующим учебной частью семилетней школы в деревне Яирык.

В Дретуне полк получил задачу на марш. Направление — в сторону Латвии. Марш был стремительный — спешили выйти к старой государственной границе. Шли более суток. Короткий привал через час — и опять в путь. Раньше не верил рассказам бывалых красноармейцев, что можно, дескать, спать и на ходу. Убедился на собственном опыте — можно. И даже видеть обрывки снов.

Фашистские самолеты несколько раз появлялись над дорогой и пикировали на небольшие мосты, но бомбы падали мимо. Мы успевали рассредоточиться и слушались приказа Шаткова: «Без команды не стрелять!» Зато сколько было радости, когда раздалась эта команда и пулеметно-винтовочным огнем один из трех вражеских самолетов был подбит и рухнул в болото.

В районе латвийской станции Индра произошло первое боевое столкновение с врагом. Одно из наших подразделений уничтожило небольшой десант фашистов. Понесли и мы потери: 7 красноармейцев были убиты, 9 ранены.

4 июля из окопов, занятых нашей ротой, услышали шум мотора. Затем он неожиданно стих.

— Сержант Инсафутдинов, узнайте, в чем там дело! — приказал комвзвода Васильев.

Я пошел к заболоченному лесу и, осторожно пробираясь между соснами, вскоре обнаружил застрявший на краю болота мотоцикл. Присмотревшись, узнал в водителе старшего сержанта из штаба нашей дивизии, спросил:

— Ты куда путь держишь?

— Да к вам, — немножко оробевшим голосом (я появился рядом с ним неожиданно) ответил он. — Везу газеты с выступлением товарища Сталина. Вчера выступал. На, читай.

Я впился глазами в газету. Прочел речь два раза.

— Молодец! — горячо сказал я старшему сержанту.

— Кто? — не понял он.

— Ты, вот кто. Газета с речью Иосифа Виссарионовича всем ребятам духу прибавит.

— Так это не я придумал поездку, а комиссар, — смутился старший сержант.

— Ну, а как там впереди наши другие полки? — поинтересовался я.

— Дерутся вовсю. Фашист так и прет, так и прет. Отступить придется.

Конечно, старший сержант не ахти какой стратег, но был он при дивизионном начальстве и знал больше нашего. Я помог ему вытащить коляску из болота, и через несколько минут мы уже находились в расположении нашей обороны. Связной оказался прав. В ночь на 5 июля командир нашего полка полковник Апакидзе получил приказ прикрыть отход частей дивизии, изрядно поредевших в двухдневном бою с превосходящими силами гитлеровцев.

Он начался в шесть утра 5 июля 1941 года, мой первый бой. Сначала ударили наши пушки. И не враг, а наши роты пошли в атаку. Желание вступить в бой было горячим, ощущение боязни за жизнь, гнездившееся где-то в мыслях, исчезло. Страстно хотелось одного: выстоять, во что бы то ни стало не пропустить фашистов вперед.

Злой и точный ливень пулеметных очередей, меткие выстрелы красноармейских винтовок охладили пыл врага, и он начал окапываться. Наша 7-я рота лесом довольно близко подошла к немецким окопам. Лейтенант Шатков забрался на высокую ель и долго рассматривал расположение немецкой обороны. Спустившись на землю, приказал:

— Ползком вправо к опушке леса!

Теперь нас от гитлеровцев отделяла поросшая редким кустарником поляна. Несколько смельчаков подползли к наспех отрытым окопам на расстояние гранатного броска. Сигнал — и мы обрушили на фашистов яростный огонь с фланга. В окопы полетели гранаты. Гитлеровцы ответили не менее сильным огнем. Но тут с фронта ударили наши 8-я и 9-я роты. Мы начали теснить фашистов. Однако к ним не замедлило подойти сильное подкрепление. Бой пошел с переменным успехом. Но и после того, когда мы и противник отошли

на исходные рубежи, над поляной и опушкой леса до полуночи слышалось: «Дзиу-дзиу... тью... тью».

Многих сразили пули в тот день. Наш взвод потерял меньше других — 13 человек. А в самом начале боя погиб Шатков. У ног его разорвалась вражеская мина. Болью в сердце отозвалась утрата — любили мы своего командира. Подумалось: как жестока судьба! Принесет почтальон жене и дочурке Шаткова два письма, да еще, быть может, сразу вместе. Одно вызовет радость, надежду. Второе — безутешное горе. А сколько семей в нашей стране получили такие страшные вести в первые недели войны? Не счастье!

Душное небо полосовали вражеские ракеты на всем нашем пути к белорусскому местечку Кахановичи. Я командовал взводом, заменив раненого младшего лейтенанта Васильева. На привале ко мне подошел комиссар полка Козак.

— Ну, как, товарищ Инсафутдинов, держимся? — спросил он и, грустно улыбнувшись, добавил: — На турнире в Березняках вы держались отлично.

— Пока жив, буду драться до последнего, — ответил я.

— А вы без пока. Нам еще много горя хлебнуть придется. Вы коммунист, — значит, в ответе и за товарищей. Надеюсь на вас. После боя наведуясь в вашу роту. Держитесь, сержант, держитесь. Вот-вот подосплет подмога к нам. Выстоим.

Вряд ли наш комиссар, умный человек, кадровый военный, надеялся на то, что положение спасет подход свежих частей Красной Армии. Но в это верили почти все мои товарищи по оружию. И комиссар не имел права разубеждать нас. Приятно было напоминание о шахматном турнире, в котором мне довелось неплохо сыграть, но почему-то эти мирные добрые дни, заполненные учебой, показались далекими-далекими.

В тот день я видел и комиссара полка, и командира полковника Апакидзе в последний раз. Богатырского телосложения, стройный, подвижный, улыбчивый, командир был в то утро задумчивым, но приказания отдавал спокойным голосом и, как всегда, строго спрашивал с командиров подразделений за нерасторопность в подготовке к предстоящему бою.

Для нашей роты местом, где он начался, стало огромное клеверное поле, примыкавшее к опушке леса. За полчаса до начала артиллерийской подготовки я с двумя бойцами, замаскировав каски клевером, подполз к большому валу. Нам было хорошо видно, как гитлеровцы роют окопы. Просматривался хутор, где, по-видимому, располагался какой-то штаб. Через связного я сообщил командованию его координаты.

Артподготовка длилась недолго. Первые же снаряды наших орудий накрыли хутор. Восстановить подробно картину последнего смертного боя нашего полка сейчас трудно, да, пожалуй, и тогда никто из его участников, кроме командования, не смог бы ее правильно обрисовать. Танки врага обходили нас с флангов. Фашистские автоматчики шли напролом. Их было много. Но мы несколько раз бросались в контратаки. Одна из них завершилась бегством гитлеровцев. Вслед им гремело:

— Гранаты к бою!

— Ура!

— Вперед, ребята!

Бежавший рядом со мной красноармеец кричал:

— Драпаете, гады! Драпайте до Берлина.

Яростно дрался наш батальон. Мне кажутся сомнительными рассуждения некоторых людей о поспешном отходе частей Красной Армии от границы в первые дни войны. Да, мы отходили, но цеплялись за каждую высоту, за каждый выгодный рубеж.

Уже после войны в одном из научных трактатов я прочел выдержку из «Биржевой берлинской газеты».

Подводя итоги первого года войны на Восточном фронте, газета писала:

«Поведение противника в бою не определяется никакими правилами. Советская система, создавшая стахановца, теперь создает красноармейца, который ожесточенно дерется даже в безвыходном положении... Русские почему-то сопротивляются, когда сопротивляться нет смысла. Для них война протекает будто не на земле, а в выдуманном мире».

Врали биржевые борзописцы! Не в дни фашистского нашествия родился советский «человек с ружьем». Дата его рождения — огненный октябрь 1917 года. И мир, в котором он жил и который защищал до последнего дыхания, был не выдуманным миром. Мы сражались не просто за землю отцов. Мы отстаивали свою родную Советскую власть и реальный, созданный нашим народом, мир. И дело наше было правым.

НАС ОСТАЛОСЬ ЧЕТВЕРО

После боя у клеверного поля наш батальон двое суток продолжал пробиваться на восток. Фашисты теснили его к болотам. Нас оставалось все меньше и меньше. Иссякал боезапас. Вскоре патронов оказалось лишь по десятку на бойца. Мы разбились на небольшие группы. Я попал в группу, где были мои товарищи по полковой школе — пулеметчики сержанты Кичасовы, два брата — Николай и Борис.

Ночью нашей группе удалось оторваться от гитлеровцев, прочесывавших лес вблизи грунтовой дороги. На рассвете нового дня — было это 13 или 14 июля — мы остановились в заболоченном лесу. Чувствовался голод. Борис Кичасов предложил мне:

— Давай, Разитдин, рискнем — заглянем в деревню. Пофуражируем малость да и разведаем, нет ли наших поблизости.

Я согласился. Отправились втроем. На всякий случай оставили наблюдателей на высоких деревьях, а сами — Борис, Николай и я — поползли к баньке, приютившейся в конце огорода у одинокой березы. Впереди по всему небосклону растекалось широкое зарево. Изредка слышалась приглушенная канонада.

— Наши еще где-то держатся, — прошептал Борис, — а в деревушке подозрительно тихо.

— Рано еще. Да и напуганы люди до смерти, — резонно ответил Николай. — Понаблюдаем немного, а потом и наведаемся в крайнюю хату.

В это время у плетня показался подросток лет тринадцати-четырнадцати. Я окликнул его. Он боязливо подошел к нам, но, увидев красноармейскую форму, улыбнулся и почти по-взрослому сказал:

— Слушаю вас. Что треба сделать?

— В деревне немцы есть? — спросил Борис.

— Фашисты? — переспросил подросток.

— Вот-вот, фашисты, именно они, — уточнил Николай.

От паренька мы получили исчерпывающую информацию: в деревне гитлеровцев больше сотни, с мотоциклами. Спят по хатам, охрану не выставляют. В соседнем селе — штаб, на шоссе патрули. На холмах в засаде автоматчики — охотятся за одиночками и группами бойцов Красной Армии, оставшимися в тылу фашистских войск.

— Вот бы напасть на них! — мечтательно заключил свой сбивчивый, но толковый рассказ подросток.

— Маловато нас, а главное, патронов с гильжин нос, — ответил Николай. — Но ты, дружок, знай: свое мы еще вернем. А сейчас помоги нам: третьи сутки не ели.

Через несколько минут мы стали обладателями двух буханок ржаного хлеба и ведерка кислого молока. Я обнял и поцеловал нашего смелого помощника.

Б. А. Кичасов

Н. А. Кичасов

Более суток мы провели в заболоченном лесу. Трижды пытались перейти большак и углубиться в большой лес, но безуспешно. Во время третьей попытки гитлеровцы загнали нас автоматным огнем в болото. С братьями Кичасовыми я укрылся за большим выворотнем. Стрелять по врагу было нечем.

— Положение аховое, хуже не придумаешь,— прервал молчание Борис, когда стихли немецкие голоса у края болота.

— Хуже губернаторского,— отозвался шуткой Николай.

Мне, конечно, в тот критический момент повезло — рядом были настоящие товарищи. Обоих Кичасовых отличали большая жизнерадостность и преданность воин-

скому долгу. Русоволосые, стройные, всегда подтянутые, ловкие в любом деле, они своим внешним видом походили на кадровых военных, хотя, как и я, были сельскими учителями. Дружелюбные, всегда готовые помочь неопытному бойцу, частенько по-доброму иронически настроенные, братья пользовались в полку уважением товарищей по оружию и командиров. В первые же дни войны открылись и другие черты их характеров: исключительная выносливость на марше и завидное спокойствие в бою. Отражая атаки противника, они разили гитлеровцев из пулеметов, подпуская их на верный выстрел.

Спокойствие и юмор не покинули Кичасовых и в те несколько суток, что мы провели на болоте. Припоминается один наш разговор. Во рту ни маковой росинки, и вдруг Николай спрашивает:

— Разитдин! Ты когда-нибудь ел соленые огурцы с медом?

— Нет,— отвечаю в сердцах.

— А зря,— продолжает, посмеиваясь, Николай.— Ты вот послушай, как готовится эта вкуснятина у нас на Алтае...

Волей-неволей слушаем его рассказ, и на душе как-то легче становится. Вспомнились домашние соленья, и в желудке уже не так сосет. Как бы в отместку, говорю:

— Закурить бы.

Николай вздрагивает и горячо шепчет:

— За одну затяжку...

— Что сделал бы? — перебиваю его.

— Гопака украинского сплясал бы на болотных кочках.

— Ладно уж, покурим сидя на корточках, без кичасовского гопака.

Оба Кичасовых смотрят на щепотку махорки в моей

руке как зачарованные. Мы поочередно затягиваемся. Кружится голова.

— Так дальше нельзя,— говорит Борис.— Стемнеет— поползем к дороге. Я заприметил, как пробраться в ржаное поле.

Мы так и поступили. Рожь была еще неспелой, но утолить голод можно было. Лежали в хлебном поле настороженно. Когда позади нас стебли колыхнулись, мы с Борисом взяли в руки штыки, Николай — гранату. Но тут раздался голос:

— Ребята, я свой, из пятьсот двадцать четвертого,— Степан Корякин.

Ночь стала глуше, и вскоре нам удалось перейти на другую сторону большака, усиленно патрулировавшегося вражескими мотоциклистами. Мы вышли к небольшому озеру, а затем нырнули под кроны могучих елей. Километров пять молча прошагали по лесной дороге.

— Смотрите, ребята! — неожиданно воскликнул наш новый товарищ, показывая на что-то черневшее на небольшой поляне слева.

— Телеги,— определил Николай.

Да, это были кем-то брошенные телеги. Мы кинулись к ним и, к общей радости, на одной из них обнаружили крупу, соль и немного сухарей.

— Живем, братцы! — не удержался от восхищения Борис.

В ответ прозвучала насмешливая реплика Николая:

— Тише кричи: бояре на печи!

Николай был прав: только осторожность могла нас спасти. Все окрест занимали враги. Следовало решить, что предпринимать дальше. И этот вопрос задал старший из нас по возрасту — Степан Корякин. Он же предложил:

— Инсафутдинов — человек партийный, ему первое слово.

— Хорошо,— согласился я и вынул из кармана газету с речью товарища Сталина от 3 июля.— Давайте прочитаем еще раз, что требует партия от воинов Красной Армии.

Прочли. Немного поспорили.

— Яснее ясного: продолжать борьбу с врагом в любых условиях,— высказал свое мнение Корякин.

— Да. Но как? Партизанить? А поймут ли нас?— засомневался Борис Кичасов.

— Пробираться к своим. Перейти линию фронта,— настаивал Николай.

Сошлись на моем предложении: в ближайшие дни попытаться примкнуть к какому-либо подразделению наших войск, находившемуся в тылу врага, а не получится— связаться с местными активистами и партизанить.

Пока подкреплялись и спорили, забрезжил рассвет. Облитые зарей облака дымно краснели. По-прежнему на востоке изредка ухали орудия. После решения главного вопроса на душе стало не так тревожно. Я посмотрелся к нашему новому товарищу. Среднего роста, коренаст, русоволос, с голубыми немигающими глазами. Корякин охотно рассказал о себе: уралец, по профессии лесник, по призванию охотник— «медведей бивал». Был взят повторно в армию в мае, на переподготовку. Служил в артиллерии. Дома жена и трое детей.

— Ну а теперь вы— моя семья,— добродушно улыбаясь, закончил свое повествование Степан и предложил:— Пора в путь.

Этот путь продолжался еще несколько дней. Мы шли по белорусской земле в направлении к городу Невелю. Когда выходили на проселки или большак, видели поваленные деревья поперек дороги. Радовались: завалы— дело красноармейских рук, вот-вот догоним своих. Но догнать не смогли: мешали вражеские патрули и засады, то и дело приходилось таиться в густом ельнике или на болотах, да и ослабели порядком.

Никогда не изгладится из памяти доброта и ласка жителей деревень, в которые мы заходили, услышав предварительно слова: «У нашей вески немцев нема». И чем лучше нас привечали, тем сильнее охватывало меня чувство виноватости. Поделился своими мыслями с товарищами. Кичасовы в один голос сказали:

— И у нас на сердце муторно.

— Пора оседать,— резюмировал Корякин. — Давайте вернемся в Предково и начнем сколачивать партизанскую группу.

В деревне Предково мы были накануне. Деревня невелика — десяток домов, не больше. Осесть всей нашей четверке тут было трудно, но уж больно всем она приглянулась радушным приемом. Мне в особенности: подходишь к ней, будто к родному Яiryку,— издали видишь только крайние строения, те же соломенные крыши. Лес подступал к околицам Предкова — обстоятельство немаловажное.

В деревне мы познакомились с молодой учительницей Евгенией Мелиховой. Перед войной она окончила педагогический техникум, жила у отца Михаила Акимовича. Девушка сразу открыто повела с нами разговор об оккупантах и огорошила вопросом:

— Мальцы, а вы читали речь Сталина?

— Приходилось слышать про нее,— ответил Корякин.

— Так там прямо сказано: раз остался в тылу фашистов, становись партизаном.

— Ну, не совсем так, Женя,— улыбнулся я. — Ведь нет партизан в вашем Предкове.

— Будут! — отрезала Мелихова. — Да вы, мальцы, не верите мне, что ли? Як же так? Я комсомолка. Вот документ. — Девушка вынула из кофточка завернутый в чистую тряпицу комсомольский билет и протянула мне. — Он всегда со мной.

— А может, следовало его припрятать? Мало ли до греха,— засомневался Корякин.

И мы вернулись в Предково. Вернулись с твердым намерением быть до конца верными военной присяге, продолжать борьбу с ненавистным врагом в новых условиях и пока неизвестными для нас методами партизанской войны.

Женя встретила нас радостно, пригласила:

— Заходите до дому, мальцы. Хорошо, что вернулись.

ПАТРИОТЫ

Хата Мелиховых стала первым местом, где, по шутливому выражению Николая Кичасова, мы «бросили якорь». Молодая учительница, ее отец, мать — Екатерина Осиповна и младший из Мелиховых, тоже Женя, были едины в стремлении помочь нам. На мой вопрос: «Есть ли в ближайших деревнях коммунисты или представители Советской власти?» — Михаил Акимович ответил:

— Отдохните трохи, а потом наведайтесь в Малеево к Андрею Лукичу Власову. Он голова нашего колхоза. Як скажет, так и поступайте. Лукич знает, что к чему в сегодняшней жизни.

— А жить вам лучше врозь, мальцы, — подала совет Екатерина Осиповна. — За родственников сойдете. Народ не выдаст.

— Мы до вас приведем надежных людей, — не терпелось Евгении высказать свои планы.

— А я хоть сейчас готов воевать фашиста, — выпалил Женя.

— Помолчи, малец, трохи, — обрезал паренька отец. — Воевать — не по садам шастать. Каждому овощу свое время. Придет и твое.

Мы послушались Мелиховых и «расселились» по окрестным деревням: Степан Корякин стал жить в Богомолове, Борис Кичасов устроился в Малеево. Я и Ни-

колай Кичасов остались в Предкове. Меня решили выдать за родственника Мелиховых. Михаил Акимович сказал при этом:

— Такое имя, как твое, малец, у нас не сыщешь. А як фашист заявится до деревни и интерес проявит, что за Разитдин здесь проживает? Говоришь ты по-русски хорошо. Вот и зовись Сашей.

Так я превратился в Александра Ивановича Мелихова. Меня и сейчас многие друзья по партизанским тропам Сашей называют.

Деревни Предково, Малеево, Богомолово, Ярыгово, Хоглино, Долосцы расположены близко друг от друга. Это был юг Себежского района Калининской, ныне Псковской, области. К ним примыкает белорусская земля. Не так далеко и до старой государственной границы с Латвией. Ближайшим значительным населенным пунктом было белорусское местечко Юховичи, а городом — Себеж.

Фашисты густо поставили свои гарнизоны вдоль железной дороги Себеж—Новосокольники. Солдаты охранных войск и хозяйственных подразделений вермахта расползались в глубь Себежского и соседних с ним Идрицкого и Пустошкинского районов. В нашем южном углу они пока появлялись наездами: похватают кур и другую живность, пограбят хаты, вывешат приказы о выдаче коммунистов и красноармейцев германскому командованию и укатят в Идрицу или Себеж. Население в деревнях старалось продолжать жить по-старому, придерживаясь советских законов и порядков. Этому немало способствовало мужественное поведение оставшихся на оккупированной территории сельских активистов. Одним из них и был Андрей Лукич Власов.

Я встретился с ним в конце дня на лугу неподалеку от Предкова. Власов с семнадцатилетним сыном Петром косили траву. Как сейчас вижу его открытое лицо с широким лбом, умные пронизательные глаза. В движениях

он был быстр, от всей его фигуры веяло чем-то раздольным, и я, поздоровавшись, невольно спросил:

— А вы, Андрей Лукич, в прошлом не моряк?

Власов добродушно рассмеялся.

— Чутьем тебя, малец, бог не обидел. Был грех, служил в Кронштадте минером. А як гражданская началась, трохи повоевал. Беляков на бронепоезде громили.

— Я к вам за советом, Андрей Лукич.

— Он тебе одному нужен? — усмехнулся Власов.

— Да нет. И товарищам.

— Слышал про вас. Ну, коли так, пошли до дому.

Власов, как почти все жители Малеева и Предкова, говорил, мешая русские и белорусские слова. Вся его речь была мягкой, чувствовалось, что он желает нам добра. Не сразу наладился нужный разговор. Пока хозяйка дома — Пелагея Максимовна — готовила ужин, Андрей Лукич вспоминал о гражданской войне. Запомнились мне его гордые слова: «Кронштадт — это, малец, значит упорный, верный, беспощадный к вражине».

— Ну, полно тебе, Лукич, вчерашним днем гостя потчевать, — прервала рассказ мужа Пелагея Максимовна. — Давайте поснедаем, а потом уж и говорите хоть до петухов.

Проговорили мы тогда долго. Узнав, что я кандидат в члены ВКП(б), Власов доверительно сказал, что у него припрятано оружие и кое-какой боеприпас. Беседа наша окончательно развеяла мои сомнения по поводу того, что подумают о нас товарищи, которые пробились к своим за линию фронта.

— Благоразумие не робость, — убеждал меня Андрей Лукич, — а фашиста и здесь глушить надо. Як обживетесь трохи, с добрыми мальцами свяжитесь. Им ваш военный опыт сгодится. Я своим бабам да мужикам-старикам так обстановку разъясняю: «Фашист сильнее сейчас оказался. Отступила наша армия, но вернется».

П. А. Власов

М. Н. Моисеенко

Военные, что в окружение попали,—вы часто встречаете их,—скрозь израненные, а идут, своих ищут. Привечать их нужно, прятать. Они свое покажут». Вот и покажи, малец, что ты со своими товарищами стоишь. Главное — в кучу сбиваться надо. В кучу потому, что дождь и прута не повернет, а ручей полено уносит. — Лукич лукаво усмехнулся: — Насчет дождя и ручья это сам Александр Васильевич Суворов говаривал.

Стояла глубокая ночь, когда мы с Петром Власовым отправились спать в сарай на сено. Петр минувшим летом окончил девятый класс. Был он ростом почти с отца, скромный, неразговорчивый. И все же мне в ту ночь удалось о многом его расспросить. Юноша и его младший брат шестиклассник Леня спрятали винтовку, со-

бирали патроны. Петр помог отцу надежно укрыть «По-земельную книгу» и важные колхозные документы. С гордостью рассказывал он про то, как отец не разрешил резать колхозных свиней, а распределил их по красно-армейским семьям.

В один из августовских дней встретился я у Мелиховых с Марией Николаевной Моисеенко из деревни Богомолово. Добрые слова про нее говорили Женя и Степан Корякин, живший в семье Моисеенко. Замечательная женщина! Иных слов не подберешь. Судьба у нее была и трудная, и завидная. Жена питерского рабочего, она в голодном двадцатом году перебралась с пятью ребятишками в деревню. Думала, что на время, а осталась на полтора десятка лет. Научилась пахать, сеять. Первой в колхоз вступила. Всех детей на ноги поставила. Перед войной уехала в Ленинград. Каждое лето навещала Богомолово. Приехала и в сорок первом.

Гитлеровцы появились в Богомолове раньше, чем в Малееве и Предкове. Вошли в деревню с портретом Ворошилова на шесте. Тыкая в него, кричали:

— Капут большевик!

— Рус капут!

Гоготала пьяная солдатня. В оцепенении стояли согнанные на улицу женщины и дети. А фашисты все шли и шли. Громыхали танки, тархтели мотоциклы. Всхли-пывая, кто-то сказал в толпе:

— Силища-то какая. Где выстоять нашим...

И тогда раздался громкий голос Моисеенко:

— Бабы! Да вы что расхныкались? Неужто думаете, что чужаки здесь царствовать будут? Не верьте! Вы же меня знаете, разве я врала вам когда-нибудь? Не будут!

Степан Корякин рассказывал мне о том, что почти каждый день кто-либо из деревенских женщин заходил в избу Моисеенко посоветоваться, поделиться радостной весточкой, найти утешение в горе. Когда женщины при-

носили фашистские листовки на русском языке, Мария Николаевна едко их высмеивала.

— Моя хозяйка агитатор, что надо,— говорил Степан. — Такого у нас во всем полку не сыщешь.

При встрече со мной Моисеенко с болью вспоминала сыновей Александра и Сергея. Оба находились на фронте. Вестей от них не было. О Сергее Мария Николаевна знала, что он артиллерист, служил где-то в Молдавии, у границы, — из части ей пришло несколько писем от командования с благодарностью за воспитание сына.

Отгорели жаркие августовские дни. Наступила осень. Край наш полнился зловещими слухами: пал Ленинград, гитлеровцы у Москвы. Оккупанты начали насаждать так называемый «новый порядок». Суть его сводилась к организованному грабежу через учрежденные волостные управления, к подавлению любой попытки сопротивления оккупационным властям. В Себеже появилось отделение тайной полевой полиции ГФП, а в Идрице — гестапо. Агенты ГФП вылавливали оставшихся на оккупированной территории коммунистов, советских активистов, командиров Красной Армии. Делали это с помощью своих ставленников. Их вербовали среди разного уголовного сброда, затаившихся белогвардейцев. Появился и в Долосцах «представитель новой власти», как он именовал себя, — некто Орлов, по прозвищу Зуй.

С помощью Мелиховых и Власова мы продолжали расширять круг верных людей. В Долосцах ими были Терентий Максимович Пузыня, его брат Иван и сестра Евдокия, учитель-комсомолец Илья Михайлов. Они настолько открыто выражали свою ненависть к оккупантам, что я вынужден был повторить Михайлову слова Власова:

— Благоразумие не робость. При народе не всегда можно волка называть волком. Не следует на рожон лезть.

Для конспирации я стал встречаться с Ильей в лесу во время поездок за дровами. Вскоре он познакомил меня с Евгением Ильющенковым из деревни Жоглино. У Жени было оружие — пистолет ТТ и 150 патронов к нему. Через Михайлова потянулась ниточка нашей связи в Юховичи. Там, оказывается, уже сколачивалась группа юных подпольщиков во главе с Игнатовичем. Я встретился с ним в лесу между Долосцами и Юховичами. Договорились продолжать сбор оружия и пока главной задачей считать разоблачение фашистской лжи о разгроме Красной Армии. В этом нам неоценимую помощь оказывали советские листовки, которые нет-нет да и сбрасывали над себежской землей краснозвездные самолеты.

Вместе с Николаем Кичасовым мы предприняли попытку разведать обстановку в Идрице: поехали вместе с обозом льна, который хозкомендатура оккупантов приказала доставить в поселок. Районный центр Идрица был небольшим, но являлся крупным железнодорожным узлом. Здесь пересекались две магистрали: Москва — Рига и Ленинград — Мариуполь. Идрица стала одним из объектов, который бомбила фашистская авиация в первые дни войны. И хотя ленинградская дорога была почти выведена из строя нашими отступавшими войсками, гитлеровцы держали в Идрице большой гарнизон. Впоследствии поселок и станция, летом 1944 года, стали местом ожесточенных боев. А в конце войны советская дивизия, получившая наименование Идрицкой, одной из первых ворвалась в Берлин, штурмовала рейхстаг.

Тогда наша поездка, кроме волнений и тревог, ничего не дала, и нас за нее резонно отчитал Власов:

— Ишь, какие разведчики выискались, — говорил сердито Андрей Лукич. — Ну, а как бы навались вы на гестаповцев? Они ж не идиоты — распознали бы, что вы за люди. Про вас и так уж наводил справки Зуй. Чем больше в те лето и осень первого года войны

я узнавал местных жителей, тем сильнее становилось чувство глубокого уважения к ним. Абсолютное большинство из них не признавало принципа — «выжить любой ценой». Они не шли на сделку с совестью, когда предстоял выбор: клони голову, покорись — и ты получишь право на существование, иначе смерть. Выбирали последнее. Власовы, Мелиховы, Моисеенко и многие другие крестьянские семьи были настоящими советскими патриотами, и к ним, не менее, чем к партизанам, относится характеристика: люди с чистой совестью.

ВЕРНЫЕ СЕРДЦА

Поселок Нища и река того же наименования прочно вошли в летопись борьбы белорусских и калининских партизан. На берегах Нищи народные мстители не раз отбивались от карателей, а в прибрежных деревнях находили и стол и дом, пополняли свои ряды.

Поселок небольшой, — у нас в Башкирии есть деревни большие и по населению, и по количеству дворов, — располагался неподалеку от тех мест, где мы обосновались под видом родственников в крестьянских семьях. В Нище была средняя школа. Я не знал и не знаю, кто преподавал в ней, но и тогда, и теперь мог бы сказать учителям: «Гордитесь своими питомцами!» Старшеклассники Нищанской школы первыми показали пример того, что надлежит делать в тот трудный час, когда, по словам песни-гимна, «враг захочет нас сломить».

По себежской и идрицкой земле еще катились бронетранспортеры и мотоциклы фронтовых частей вермахта, еще многие жители, оглушенные первыми расстрелами, виселицами, грабежами, не пришли в себя, когда девятиклассницы Ира Комарова и Надя Федорова взяли в руки пилу и пошли ночью пилить сваи моста, по которому шла на восток военная техника оккупантов.

Ира, Надя, десятиклассница Валя Дождева создали осенью сорок первого года подпольную комсомольскую организацию. Позже они стали первыми девушками-партизанками на Осынцине. Мне довелось быть свидетелем их мужественного поведения в бою, бескорыстной дружбы в походах и на отдыхе. И о них особое слово.

Ира Комарова родилась в деревне Полейковичи (Осынский сельсовет Себежского района), что в трех километрах от Нищи, в семье колхозников-льноводов. Когда началась война, ей шел семнадцатый год. Скромная, застенчивая школьница с косичками показала характер уже при первой встрече с фашистами. Ира с подругами стояла у клуба, а по улицам и по дворам носились гогочущие солдаты с кудахтавшими курами. Один из гитлеровцев, показывая руками, что кур надо ощипать, крикнул девушкам:

— Ком арбайт!

Школьницы застыли в молчании.

— Ком арбайт! Шнель! Шнель! — заорал солдат и взмахнул автоматом.

— Не пойду! — подчеркнуто громко ответила Ира, стоявшая ближе всех к фашисту.

— Капут! — Гитлеровец бросил курицу и шагнул к Комаровой.

Очевидно, трагически окончилась бы для Иры эта встреча, но неожиданно рядом на улице раздались выстрелы. Солдат бросился к машине.

Надя Федорова из деревни Слобода была секретарем комсомольской организации школы. Отличница, выше среднего роста, стройная, с синими лучистыми глазами, по-детски пухленькими губами, Надя, как рассказывали ее подруги, в школьных постановках играла роли веселых девочек-проказниц. Но надо было видеть, как хмурились ее черные брови, когда сталкивалась она с несправедливостью, ложью. Соученики любили ее за прямоту и принципиальность суждений, за умение быть

И. Н. Комарова (Гвоздева)

Надежда Федорова

душой незатейливого школьного веселья. «Ненаглядной» называла Надю ее лучшая подруга Ира.

В первые недели оккупации на глазах жителей Нищи Федорова совершила то, что иначе, как подвигом не назовешь. Днем Надя пришла в опустевшую школу и вынесла из библиотеки книги Владимира Ильича Ленина. Один из фашистских холуев — появилась в поселке уже и такая нечисть — подбежал к девушке и приказал бросить в канаву драгоценную ношу.

— И не подумаю, — спокойно ответила Федорова.

— Пойду доложу гер коменданту, он тебе быстро собачий поводок определит на удавку, — пригрозил предатель.

Надя обернулась и насмешливо ответила:

— Ну что ж, беги к своему геру. А я ему скажу, что спрятать книги меня подбила ваша светлость. Глядишь, на виселице вместе болтаться будем.

Доносчик, икнув, отстал от Федоровой. Кто-то из крестьян, стоявших у дороги, восторженно воскликнул:

— Ой и молодец девка!

Страшна, опасна лихая беда. Но не менее опасен страх, порождаемый ею. Комсомольский вожак Нищанской школы понимала, сколь важно преодолеть его. И здесь самым убедительным мог быть только личный пример. Этим и руководствовалась Федорова на протяжении всей своей короткой жизни. Не изменила она этому принципу и тогда, когда попала в руки врага. Но об этом позже.

Валя Дождева росла в деревне Улитино в семье участника гражданской войны, коммуниста. Училась отлично. Увлекалась литературой. Помнится, весь наш отряд слушал, как Валентина прекрасно, прямо артистически, наизусть читала пушкинских «Цыган». В семье Дождевых незадолго до войны случилось горе. По клеветническому навету Дмитрий Иванович был арестован; позже, еще при жизни, его реабилитировали. Валя не поставила арест отца в вину Советской власти и на защиту ее встала незамедлительно, как только прозвучал сигнал тревоги.

Начало нашей дружбы с нищанскими подпольщиками относится к первым числам ноября, когда в Богомолове неожиданно появился сын Марии Николаевны Моисеенко — Сергей. Первое знакомство с ним было кратковременным. В избе Мелиховых, куда пришел он на другой день, были посторонние. Наш разговор ограничился двумя-тремя фразами.

— Где служить довелось? — спросил я.

— В артполку. Под Кишиневом начал воевать. Был в плену несколько дней. Бежал, — ответил он и пристально посмотрел на меня.

С. Б. Моисеенко

В. Д. Дождева (Серкова)

Вскоре после его ухода ко мне зашла Женя Мелихова, горячо говорила:

— Александр Иванович (Разитдином меня мои новые друзья старались не называть), Сергея Моисеенко я хорошо знаю. Ручаюсь за него. Я ему и про вас, и про наши пока еще малые дела рассказала. Сергей смелый, находчивый, до службы в армии в наших краях самым авторитетным парнем был. Вот посмотрите, он минуты без дела сидеть не будет. И завтра придет к вам.

— Хорошо, Женя, буду ждать.

Моя хозяйка — бабушка Хаврония — еще спала, когда ранним утром 4 ноября раздался негромкий стук в дверь. Я открыл. Моисеенко, запорошенный снегом, с доброй улыбкой на лице, переступил порог. И сразу, не сказав даже «здравствуйте», спросил:

— Саша, тебе Женя что-либо говорила?

— Да,— ответил я.

Мы обнялись. Сергей горячо зашептал:

— Мы еще повоюем, друг. Создадим партизанский отряд, а потом к своим частям присоединимся.

В комнату вошла хозяйка со словами:

— Слышу, пришоу кто-то. Подумала: як недобрый человек? А это Серега пришоу.

— Я, бабушка Хаврония. Доброго здравия вам,— поклонился старухе Сергей.

Вскоре на столе дымилась картошка. Во время завтрака Моисеенко предложил:

— Поедем, Саша, в лес. Дровец заготовим твоей хозяйке и поговорим. На дворе хорошо: зима, первый снег — совсем по Пушкину.

— А в лесу на неведомых дорожках следы невиданных зверей,— поддержал я стихами разговор.

— Зверей... — задумчиво повторил Сергей и, помрачнев, добавил: — Повидал вчера не в лесу, а в просторной избе зверюгу,— Зуй собрание проводил в нашей деревне. Плеткой махал, грозился вытрясти из крестьянских душ все советское. Как попка твердил: «Какая власть — такая масть». В общем, смердил подлостью из всех пор.

— Наслышаны и мы про этого предателя,— отозвался я.

Лес встретил нас тишиной. Под порывами легкого ветра певуче покачивались сосны. Небо чистое, не зимнее. Хорошо работалось. Поговорили мы о многом. Больше не о войне, не о сегодняшнем дне. Вдруг Сергей неожиданно спросил:

— Ты ведь учитель, Саша? Историю знаешь, конечно, лучше меня. Скажи: правда, что твои соплеменники помогали Пугачеву?

— Правда,— ответил я и не без гордости добавил, что

ближайшим и верным помощником у Пугачева был башкир Салават Юлаев.

— Слышал про него, но не знал, что он твой земляк. А судьба его?

— По цареву указу получил 175 ударов кнутом, вырвали ноздри, заклеили каленым железом. Умер в тюрьме, только не знаю в какой.

Еще неожиданный вопрос:

— Уфа ваша — древний, красивый город?

— И древний. Как крепость известна с 1574 года. И красивый. Много зелени, воды. Стоит при впадении речки Сутолоки в реку Белую.

— Как и мой Ленинград, — отозвался Моисеенко.

— Почему твой?

— Родился я на берегах Невы в дни свержения самодержавия, — Сергей бросил топор, снял варежки и начал загибать пальцы на левой руке. — Учился в Ленинграде при рабфаке в тридцатом году. Работал немного автослесарем. Разве мало? Слов нет, много хороших городов на нашей земле, но Ленинград неповторим. А люди, Саша, все кремневой породы. Пока пробирался сюда, сколько раз слышал: «Фашист на берегах Невы. Черт ее знает, эту военную судьбину, может и доберутся гитлеровцы до Невы, но в город не вступят. Не бывать этому!»

Я невольно залюбовался своим новым товарищем. Было в его ладной, крепкой фигуре, в красивом раскрасневшемся лице что-то от сказочно-богатырского, а горячая речь наполнилась чертами русского характера — верой, надеждой, любовью.

На лес уже опускался вечер, когда мы вернулись в деревню. Вскоре пришли Кичасовы и Корякин. Я познакомил их с Моисеенко. В общих чертах договорились о создании партизанского отряда. Сергей пообещал в ближайшее воскресенье побывать на Осынщине, связать нас со своими довоенными знакомыми в Нище.

Ребята ушли. Наступила ночь. Первая приятная для меня ночь со дня выгрузки нашего полка в прифронтовой зоне. Я не сразу уснул, но спал крепко, без тревожных раздумий и кошмарных сновидений. Желаемое свершилось: создано ядро партизанского отряда, есть энергичный, смелый, идейно убежденный командир. Что им станет старый комсомолец сержант Сергей Моисеенко, я не сомневался.

МЫ — БОЕВАЯ ЕДИНИЦА

Сергей вернулся из Осынщины на третьи сутки. Вернулся довольный. Поначалу он там откровенно переговорил с Надей Федоровой и Ирой Комаровой, а на другой день — с целой группой нищанских старшекласников.

— Ребята смелые, — рассказывал мне Сергей. — Среди них один шустрый ленинградский паренек — Павлик Суворов. Жил на Моховой, есть такая улица в Ленинграде, вблизи цирка. Окончил девять классов. Приехал к родным на каникулы. Да и застрял. С Николаем Бабановым они номер откололи — любо-дорого смотреть. Нашлись в Улитине два дерьмовых мужика. Спровоцировали они кое-кого в пьяном угаре растаскивать колхозное имущество. Только к сараям подступились — пули свистеть начали. То Николай с Павлом из-за укрытия пальбу открыли. Пьянчужки, конечно, деру дали, а с одним даже медвежья болезнь приключилась.

Моисеенко был моложе меня и Корякина, но его умению расположить к себе собеседника можно было позавидовать. Он еще в годы отрочества отличался добротой к младшим и к старшим. Его сестра Екатерина Борисовна Ананьева в одном из первых послевоенных писем ко мне рассказывала:

«...Приходилось в двадцатые годы жить по-всякому,

подчас и впроголодь. Сережа был главным помощником матери. Возвращался из школы — бегал туда босиком даже по морозу, — и сразу за дела по хозяйству: пилить, колоть дрова, носить воду. И никогда не хныкал, никому не завидовал. И почти всегда пел. Пойдет ли в поле пасти корову, поедет ли в лес за дровами или уйдет с мамой на сенокос, — песня с ним неизменно.

Многие неграмотные женщины приходили к нам и просили, чтобы Сережа, именно он, написал бы от их имени письма мужьям или детям, находившимся в отъезде, где-то на заработках. Женщины диктовали, а Сережа сочинял письма по-своему. Когда потом прочитывал им эти письма, просительницы плакали».

Сергей был и главным автором листовки, которую мы после его возвращения из Осынщины решили сочинить. Жаль, не сохранился этот документ. Была приятна его оценка старшим Власовым. «Взрывной бумагой» назвал листовку Андрей Лукич. Мы переписали листовку в нескольких экземплярах и пустили ее по рукам в Предкове и Богомолове. Повезло нам тогда — на другой день Николай Кичасов нашел в поле листовку, сброшенную с советского самолета. В ней сообщалось о параде в Москве 7 ноября. Вот было радости! Заработала вовсю наша «рукописная типография». Десятки листовок вестниками правды полетели по крестьянским избам. То была первая крупная акция нашего еще официально не существующего партизанского отряда.

16 и 18 ноября 1941 года были проведены два нелегальных собрания, оформивших его организацию. Первое состоялось в Предкове, второе в бане деревни Слобода, где жила Надя Федорова. На первом присутствовали Моисеенко, Кичасовы, Корякин, Мелиховы, Петр Власов, Илья Михайлов и я. Разговор начал Сергей словами:

— Товарищи, мы собрались сегодня для того, чтобы договориться о совместной вооруженной борьбе с закла-

тым врагом — фашистами. Мы должны, мы обязаны стать партизанами...

О многом мы тогда переговорили, сидя в темной комнате у печурки, где весело потрескивали сухие дрова. Решили выкопать землянку в Богомоловском лесу, поручить Степану Корякину сделать несколько пар лыж, попытаться установить связь с патриотами в Себеже и Идрице через ребят, которые там учились, оружие хранить в Богомолове на чердаке бани Моисеенко. Командиром отряда я предложил выбрать Моисеенко. Как-то само собой получилось, что меня все посчитали комиссаром. Вечер давно уже перешел в ночь, когда Сергей запел:

— Дан приказ ему на запад...

У него был не сильный, но приятный голос. Все подхватили песню. А потом Женя Мелихова принесла гитару и под ее аккомпанемент спела песню «Вот мчится тройка почтовая...». Расходились возбужденные, радостные.

О собрании в Слободе в одном из своих писем ко мне вспоминает Ирина Николаевна Комарова (ныне Гвоздева), проживающая в послевоенные годы в Минске.

«...Темной морозной ночью,— пишет она,— с подружкой Леной Кондратьевой, крепко держась за руки, мы торопливо шагали по полю к бане. Возле нее что-то темнело. Оказывается, это Надя стояла на посту. «Быстрее,— сказала она,— собрание уже началось». Мы вошли и чуть не упали, наткнувшись на груды камней полуразвалившейся печи. Темная низенькая баня с белыми от инея стеклами освещалась «волчком» — небольшой коптилкой без стекла. Ребята расположились кто где мог.

Сергей сидел возле «волчка» на скамеечке, опершись руками о колени. Кудрявый чуб русых волос выбился из-под кепки, спадая на высокий лоб. Его серые, глубокие глаза горели каким-то внутренним огнем.

«Так вот,— говорил Сергей,— нас здесь девять человек. Все мы собрались мстить фашистам, готовые лишиться всего личного ради общего дела. Сегодня в последний раз каждый из нас должен окончательно и серьезно подумать о том, за какое дело он берется. Загляните в свои души. Может, там вы найдете раскаяние или трусость перед взятыми на себя задачами. Тогда заявите сейчас и больше не участвуйте в нашей работе. Завтра уже будет поздно».

Все молчали. Сергей испытующе обвел нас всех своим пронизательным взглядом, но мы открыто смотрели ему прямо в глаза. Сердце у каждого горело готовностью не останавливаться ни перед какими трудностями. Сергей заговорил снова.

«С сегодняшнего дня,— сказал он,— мы должны взяться за непосредственное приготовление к открытой борьбе с оккупантами. Мы — боевая единица!»

Не дремали и враги. Тайная полевая полиция ГФП арестовала Андрея Лукича Власова. Ее следователи на допросах пытались выведать у него связь себежских коммунистов, возглавляемых чекистом Виноградовым и первым секретарем райкома партии Кривоносным. Группа эта действовала в Себежском и Идрицком районах всю осень сорок первого года. Думается, что Андрей Лукич был связан с райкомовцами и далеко не все рассказал нам при первых встречах, что вполне объяснимо условиями жесткой конспирации.

Пелагее Максимовне удалось подкупить охранников в Себежской тюрьме. Ей разрешили повидать мужа. Был он весь синий от побоев, при прощании успел сказать:

— Измордовали меня, но не сломили. Спасибо, жена, за все. Пусть сыновья помнят отца...

Через несколько дней Власова расстреляли.

9 декабря был арестован и доставлен в Себежскую комендатуру Моисеенко. Прямых улик против него у агентов ГФП не имелось. Он не отрицал свою принад-

лежность к армии, но утаил побег из плена. Упрямо твердил на допросах, что убедился в силе немецкой армии и пришел в Богомолово жить с матерью, помогать ей в хозяйстве, оружия у него нет. Это чей-то наговор. Так он мне рассказывал, вернувшись домой. Сильно избив нашего командира плетями и рукоятками револьверов, фашисты на седьмой день выпустили его из тюрьмы.

Декабрь в тех краях, как и в Белоруссии, зовут снежным. В сорок первом году он оправдывал свое название полностью. Но снег не помешал нам во время поездок в лес за дровами вырыть добротную землянку человек на пятнадцать. На высокой сосне оборудовали наблюдательный пункт. Степан Корякин выполнил поручение — сделал две пары лыж. К тому времени в деревнях все лыжи по приказу себежской комендатуры были изъяты. Место для базирования мы выбрали в трех километрах от ближайшего жилья.

Январь 1942 года начался студенными ночами, ясными днями. В один из них Корякин, Моисеенко и я проложили в лес первую партизанскую лыжню. Через сутки к нам присоединились Николай и Борис Кичасовы. Лес встретил нас настороженным спокойствием и морозом в тридцать градусов. Пригодилась нам тогда армейская закалка.

Поговорка гласит: «Первый блин комом». Так получилось и у нас с первым партизанским обедом. Снимая ведро с супом с таганка, Корякин обжег руку и опрокинул его содержимое на землю. Мы опешили от неожиданности, а Степан начал ругать и пинать ногой таганок так яростно, что вскоре землянка огласилась веселым смехом:

— Так его, так его, негодника! — подтрунивал Николай.

— С ведром не справился, а говорил, что на медведя хаживал, — вторил брату Борис.

Наша пятерка составила ядро небольшой дружной партизанской семьи. К нам присоединились Володя Силявский — восемнадцатилетний смелый парень из деревни Мошеное, его ровесник Илья Михайлов из Долосц, идрицкий комсомолец Степан Киселев, высокого роста весельчак, и другие ребята.

Делая первые партизанские шаги, мы учитывали, что у населения нет даже скудной правдивой информации о положении на фронте и в стране. Враг крушил и уничтожал все на своем пути, сеял душевное смятение на захваченной территории, вызывал к жизни предательство. И пусть немногие стали холоуями оккупантов, но все же были такие, и с этим следовало считаться.

В первые месяцы оккупации фашисты нечасто отправляли своих фуражиров в глухие лесные места, представители комендатур и солдаты охранных войск бывали в них наездами. Это позволяло Зую и его помощникам Перцу Бирюкову, Варлашке Панкратьеву, которого, несмотря на прожитые полсотни лет, никто не называл и раньше по имени-отчеству, показывать себя властью больше, чем они на самом деле были.

— Нужно сбить спесь с фашистских прихвостней, а наиболее усердных отправить к праотцам, — предложил Моисеенко, рассказывая о том — он уже сходил дважды в разведку, — как избил Зуй старшего Мелихова.

— Правильно. Давно пора, — подтвердил Степан Корякин. — Лукича не без их участия и подсказки взяли.

Я согласился с их мнением.

Ночью трое партизан незаметно приблизились к дому Зуя в Ильине. Его дружки где-то пьянствовали. Сергей осторожно постучал в дверь.

— Кого черт несет? — заворчал Зуй.

— Открывай. Свои.

В сенях показался Зуй, прохрипел:

— Кто свои?

— Сергей Моисеенко.

Метнулся староста на кухню, бросился за печь. На Сергея налетел бывший в хате полицай. Сергей сбил его с ног и выстрелил два раза по Зую. Во дворе уже хлопотали Борис и Степан: запрягли лошадь старосты и погрузили в сани несколько пар лыж, отобранных у населения, продовольствие. Пучок зажженной соломы полетел через открытую дверь в сени...

И все же фашистский холуй тогда остался жив. Однако наш налет на его «резиденцию» произвел сильное впечатление на население Долосчанской волости. Гитлеровцы положили Зуя в военный госпиталь, а против нас послали отряд карателей. Я заметил их, обзревая местность в бинокль — его нам дал Георгий Лукич Власов, брат расстрелянного Андрея Лукича. Вел фашистов Варлашка.

— Жаль, маловато нас, а то можно было бы встретить огоньком непрошенных гостей,— недовольно пробурчал Сергей.

Фашистов было до сотни, а нас горсть. Силы явно неравные. Я предложил отойти в глубь леса.

— А предупреждение следует оставить,— сказал Николай Кичасов и крупно написал на снегу: «Кто за нами охотится, тому не жить».

Ночевали мы в тот раз под открытым небом, на еловых ветках, окружив себя кострами. Мороз стоял такой, что даже кора на деревьях лопалась. Утром, сделав разведку, вернулись к своей землянке. Каратели немного разрушили ее, в хворосте спрятали гранаты, шнуры от которых привязали к прутьям — тронь их, и взрыв неминуем. Борис Кичасов поколдовал над «минами» карателей, и они перешли к нам на службу.

Теперь мы стали чаще совершать рейды по деревням, где жили старосты. Отбирали оружие, уничтожали списки молодежи, предназначенной для отправки в Германию, налоговые бумаги. Сделали налет и на волост-

ное управление Зуя. В руки к нам попался Варлашка. Выволок его Володя Селявский из-под груды кож.

— Что же ты, гад паршивый, прочитал нашу записку на снегу, а за ум не взялся? — насмешливо спросил Володя.

— Да я уж, господа-товарищи...

Хлопнул выстрел.

— Царство небесное холую фашистскому.

— Ты что, шутишь? — не понял я.

— Какие шутки? На том свете я всякой человекоподобной мрази, что в услужении у Гитлера, зла не желаю. А на этом... — Селявский сжал винтовку обеими руками. — Кровь за кровь, смерть за смерть!

Зуй не выдержал — удрал в Себеж*.

Вспоминается один такой дерзкий рейд почти к самой Идрице. Втроем на санях мы вечером подъехали к бывшему клубу, из которого доносилась музыка.

— Белорусская полька, — определил Моисеенко. — На хромке гармонист наяривает.

— Чего гуляют-то? — недоуменно спросил я.

— Наверно, полицаи сретенье отмечают, — высказал догадку Володя Селявский. — Им бы только предлог был.

— Что за сретенье?

— Есть такой праздник религиозный, да и в народе поверье существует: раз середина февраля, значит, солнце на лето, зима на мороз. Борются меж собой.

— Молодец, Володя, все разъяснил, — весело проговорил Моисеенко. — Вот мы сейчас свое сретенье устроим.

Остановив сани вблизи дверей, Сергей приказал стоявшим у входа подросткам:

— А ну, мальцы, мигом сыщите самого главного начальника. Пусть выйдет.

* После войны чекисты разыскали предателя Федора Орлова (Зуя), его настигло заслуженное возмездие.

Через минуту на крыльце показался щеголевато одетый молодой мужчина. Недовольно спросил:

— Кому я здесь понадобился?

— Мне, — сердито ответил Сергей, — я от шефа полиции. Приказано узнать, отчего вы тут с партизанами цацкаетесь да их помощников покрываете.

— Тут явное недоразумение. Я секретарь волостной управы. Проедем ко мне, и я покажу вам списки подозреваемых.

— А далеко ехать?

— Совсем близко. — И уже, садясь в санки, фашистский ставленник горделиво похвастался: — Сам-то я не местный, из Польши, но многих знаю. В комендатуре подтвердят: лично доставил туда десять раненых красноармейцев.

— Ах ты... — поднялся Селявский.

— Молодец какой! — не дал договорить ему Сергей. — Поехали.

В тот приезд мы взяли семь винтовок, полтысячи патронов и уничтожили вместе с его составителем донос в фельдкомендатуру на пятьдесят советских патриотов.

Совершая переходы от деревни к деревне, мы всячески разоблачали фашистскую ложь. Сочиняли листовки, распространяли сброшенные с наших самолетов. Особенно много радости доставила нам листовка на немецком языке. Наше командование сообщало солдатам вермахта, расквартированным в белорусских селах и себежских деревнях, о разгроме их армий под Москвой. Мы с помощью нищанских подпольщиков перевели текст, переписали его десятки раз и распространили в деревнях Малееве, Богомолове, Долосцах, Жиглине, Осыне, Ярыгове и в белорусском местечке Юховичи.

Друзей у нас становилось все больше. Никогда не изгладится из памяти разговор в Долосцах с 80-летней матерью Ивана Пузыни, семья которого была в этой деревне нашей главной опорой. Старуха долго расспра-

шивала меня про моих близких, про дела на фронте, а потом посетовала:

— Корю себя, старую,— сил не стало. А то сгодились бы для вас, трюхи помогла б. Кругом горе, а оно, что море,— не переплыть, не вылакать. Вот и остается старой молиться за вас. И молю бога и утром, и в ночь, чтобы скорее пришли войска наши красные.

Как-то остановились мы — Сергей, я и Степан Киселев в одной лесной деревушке, зашли в крайнюю хату обогреться. У хозяина был мальчик лет семи. Увидел нас и говорит:

— А я знаю, дяденьки, кто вы.

— Кто? — спросил Киселев.

— Сергеевские ребята.

— А кто они такие? — включился в разговор Моисеенко.

— Наши. Советские,— по-взрослому ответил мальчуган.

Сергей смутился и, увидев на столе бумагу с рисунком, поинтересовался:

— А что тут у тебя нарисовано? Красный самолет сбивает фашиста.

Мы все засмеялись, а наш юный собеседник довольно надулся. Хозяйка сварила нам картофель, поставила на стол кислое молоко со словами:

— Чем богаты, тем и рады.

Перекусив, мы поблагодарили хозяйку, а я поцеловал мальчонку, так непосредственно и точно оценившего наши первые партизанские шаги. «Сергеевские ребята» — это имя прочно укрепилось за нами в первую военную зиму.

Себежская хозкомендатура гитлеровцев отбирала у населения Осынщины молочные продукты. В одной из деревень оккупантам удалось наладить работу довольно мощного маслозавода.

— Доколе фрицы будут осынскую сметану жрать? — задал однажды вопрос наш командир.

— Дотоле, пока мы позволять будем, — отвечивал за всех Степан Корякин.

Судьба предприятия была решена. Следующей ночью мы хозяйничали на заводе: двадцать слитков масла по 10 килограммов каждый погрузили на сани, аппаратуру разбили, здание подожгли. Желающих тушить пожар не нашлось. Неожиданными ночными налетами в начале марта вывели из строя еще два маслозавода. На некоторых дорогах установили свои незримые контрольно-пропускные пункты — перехватывали подводы, которые везли оккупационным властям хлеб, мясо, сено. Крестьянам-возчикам выдавали расписки об изъятии продовольствия. Охрану, если таковая была, уничтожали.

Злобствуя, фашисты учинили расправу над матерью нашего командира. Мария Николаевна по совету Сергея сразу же после нашего ухода в лес покинула Богомолово с целью укрыться у родственников в дальних деревнях. По дороге ее застала метель, и она зашла в Улитино обогреться в дом к бывшему начальнику почты. Он до войны в активистах значился, но выдал ее врагам. Так Моисеенко с арестованными тогда же коммунистом Василием Кругляковым и одним красноармейцем попала в Идрицу, а через неделю в Себежскую тюрьму.

Первое время допрашивали ее ежедневно. Почернела от побоев мужественная ленинградка, но держалась достойно. Вряд ли она знала башкирскую пословицу: «Если даже рот полон крови, перед врагом не плюй», но поступала именно так.

В один из первых мартовских дней, когда над нашими шалашами нависли края бурно клубившейся снежной тучи, в лагерь прибежали Петр Власов и Евгений Ильющенко. Всегда немного медлительный в разговоре Петр возбужденно говорил:

— Наши пришли. Десантники. Большой отряд. Ут-

ром были в Долосцах. Пошли в сторону Юховичей. Из Россон им навстречу вышли гитлеровцы и полицаи. Был бой в Рудне. Победили наши. Бежали фашисты.

— Теперь в Рудне и у нас советская власть, — горячо добавил Ильющенко.

Сообщение в лагере было встречено восторженно, хотя Моисеенко и я понимали, что вряд ли появление десантников означает полное изгнание оккупантов с себужской земли. Первым нашим побуждением было установить с ними связь. В полночь Моисеенко, Николай Кичасов — он был начальником штаба отряда — и я отправились на лыжах в Рудню.

Туча отвалила в сторону. Показалась луна. Идти было светло. Чтобы не нарваться на патруль, мы обошли Долосцы и еще две деревни. В душе боролись два чувства: хотелось влиться в родную красноармейскую семью. И в то же время думалось: а как же отряд, наши связи с нищанскими подпольщиками и другими патриотами? Разве можно бросать начатое дело? Такие же думы обуревали и Сергея с Николаем. Остановившись на короткий отдых, мы перебрасывались фразами, выдававшими направление наших мыслей.

Рассвет застал нас на опушке леса вблизи деревенской околицы. Понаблюдав немного за просыпавшейся деревней и убедившись в отсутствии в ней гитлеровцев, мы на лыжах подъехали к дому, стоявшему первым у дороги. Хозяин перепугался, увидев вооруженных людей, но, присмотревшись ко мне и к Николаю, приветливо пригласил в дом. Как выяснилось позже, он нас видел раньше. На вопрос Сергея о десантниках, сказал:

— Вчера были. Потрепали немцев сильно. В моей хороме пулемет станковый поставили и в упор били по тем гитлерам, якие из Россон на помощь местным спешили.

— А куда ушли десантники? — нетерпеливо спросил Моисеенко.

— Не знаю, мальцы. Побыли несколько часов и в путь.

Расспросы других жителей тоже не дали желаемых результатов. На след десанта выйти не удалось, и мы вернулись в лагерь опечаленными. Уже после войны я узнал, что в Рудне, в Долосцах и других деревнях побывали не десантники, а один из отрядов Второй особой партизанской бригады разведотдела штаба Северо-Западного фронта. Бригада эта под командованием майора А. М. Литвиненко совершила пятимесячный легендарный рейд по тылам фашистских войск от Верхневолжья к берегам Великой и к старой государственной границе с Латвией. То был первый глубокий партизанский рейд на советско-германском фронте.

Закljučая рассказ о нашем походе в Рудню товарищам, остававшимся в лагере, Моисеенко сказал:

— Боевые дела десантников — пример нам. За диверсии надо приниматься, ребята, гарнизоны врага рушить.

То были верные слова.

ВЕСЕННЕГО ГРОМА РАСКАТЫ

Апрель 1942 года. Ноздреватый лед на озерах и речках.

Земля — невыжатая губка. Талый снег, на котором заметен каждый след. Весенняя распутица снижала партизанскую активность. Но и оккупантов она накрепко «привязывала» к шоссе и большакам. В этих условиях мы постарались сказать свое слово. Провели серию засад и бронебойно-зажигательными пулями остановили несколько вражеских машин. В дневнике командира отряда — Моисеенко делал короткие заметки с первых дней возвращения в родные края — появлялись записи: «Сбили автомашину», «Сожгли немецкую казар-

му и порвали связь», «Взорвали железнодорожный мост», «Задержали отправку рабочей силы в Германию».

В разведку наши бойцы отправлялись теперь верхом на лошадях. Лыжи мы спрятали неподалеку от своей базы — привязали к стволам высоких елок. Жители деревень, помогавшие нам, раздобыли для наших коней седла.

Отряд рос. В наших шалашах звенели теперь и девичьи голоса. Стали бойцами Надя Федорова, Валя Дождева, Лена Кондратьева, Ира Комарова, Таня Михайлова. Ребята к ним относились по-рыцарски. Пусть несколько и старомодно это слово, но оно точно передает взаимоотношения мужской и женской половины отряда первого состава.

Боевым крещением для девушек-партизанок стала засада вблизи моста через реку Нищу. С опушки леса они, Сергей, я и Борис Кичасов открыли огонь по крытой грузовой машине, шедшей со стороны Полоцка к Себежу. Машина свалилась в кювет, гитлеровцы, сидевшие в ней, — туда же. Нашими трофеями стали: пять тысяч патронов, винтовки, много медикаментов. В первом и последнем мы весьма нуждались.

Помнится, в апрельские дни в отряд пришли Федор Дроздов из Богомолова и еще несколько человек из разных мест. Среди них был парень, очень похожий на Мустафу из кинофильма «Путевка в жизнь». Его сразу и прозвали Мустафой. Был он, как и герой кино, честным и верным товарищем. Жаль, что память не сохранила его фамилии.

Все чаще и чаще мы навевывались на белорусскую землю. В Дриссенском районе уничтожили льнозавод и маслосырзавод. Нагрянули и в Юховичи, узнав, что там гитлеровцы собирались поставить свой гарнизон, для чего уже были оборудованы столовая и кухня. Мы основательно похозяйничали в помещении: разбили ок-

С. И. Киселев

О. Т. Паршенко (Бармичева)

на, двери, печь и часть посуды, кое-что заминировали.
— Коль сработает, хорошая окрошка будет для всяких фюреров,— говорил Володя Силявский, маскируя мину.

В Юховичах я познакомил Сергея с Михаилом Игнатовичем. Тот в свою очередь представил нам активного члена своей группы Василия Кудашева. Прощаясь, Моисеенко сказал Игнатовичу:

— Спасибо за помощь. Пока оставайтесь на местах. Вы наши глаза в местечке. Скоро заберем всех в отряд.

Из Юховичей в тот раз путь наш лежал к Идрице. По дороге приняли в отряд трех местных парней и одного окруженца — военного моряка. В Долосцах к нам

присоединилась группа неизвестных — шесть человек, вооруженных винтовками и гранатами, — правда, запалы к ним были испорчены.

Вблизи Идрицы на большаке мы подбили гитлеровскую машину с продовольствием. Часть галет взяли с собой, а 16 ящиков раздали деревенским ребятишкам.

Отходя после диверсии, отряд очутился между двумя подразделениями охранных войск. Попало бы нам здорово, не увлекись одно из подразделений преследованием. Мы завлекли его к лесу, потом сильным огнем заставили залечь, а сами отвалили в сторону. Минут через двадцать слышим частые выстрелы на поляне, где оставили своих преследователей.

— Что за чертовщина? — удивился Корякин.

— Наверное, на карателей нарвался другой какой-нибудь партизанский отряд, — предположил Суворов.

— Не с неба же он пожаловал, — съязвил Борис Кичасов.

А ларчик открывался просто: подразделения охранных войск вступили в горячий бой между собой, приняв друг друга за «сергеевских ребят», на уничтожение которых их направил комендант Идрицы.

— Почаще бы так! — смеялись партизаны.

Заночевали в деревне. Утром подстерегла неприятность. Присоединившиеся к нам неизвестные — не удалось их даже расспросить, кто они и как очутились на нашем пути, — ограбили двух жителей: забрали пальто, костюмы. Отряд был поднят на ноги. Мародеров разоружили. Перед строем Моисеенко гневно сказал им:

— Вы совершили гнусное преступление. Вам нет места в нашем отряде. Убирайтесь отсюда, но помните: мы вас больше не пощадим, если узнаем о таких же делах. Не спрячетесь. Разыщем. Расстреляем как изменников.

— Зря, Серега, отпустил паразитов,— говорил после ухода мародеров Корякин. — Таких в армии расстреляют.

— У нас же не армия,— слабо возражал Моисеенко. — Ну да поживем — увидим. Быть может, впрок пойдет им наше предупреждение.

Я где-то в душе был на стороне Корякина, но понимал и командира. Прижиться в отряде эти шестеро еще не успели, явными предателями назвать их было нельзя, а среди нас не нашлось человека, способного провести следствие в короткий срок. Поспешный же расстрел мог вызвать кривотолки в соседних деревнях. Фашистские приспешники и так распускали про нас нелепые слухи.

К началу мая весна щедро раскинула свой светлый шатер над землей. Жить в шалашах было еще холодно, большие переходы выматывали силы, но молодость брала свое, и у костров часто звучали песни. Заводилами были девушки. Подсаживался к ним иногда и командир. И тогда лился грустный напев:

Не для меня весна придет,
Не для меня Дон разольется.
И сердце девичье забьется
Восторгом чувств не для меня.

Задушевно пел Сергей. В те дни я нередко видел его грустным. Тому были две причины. Между ним и Надей Федоровой вспыхнуло большое чувство. Но Сергей, видимо, считал, что любовь помешает общему делу. Однажды я попытался поговорить с ним на эту тему, но он словами: «Не надо, Саша» отсек разговор.

Очень беспокоился Сергей за мать. Она все еще томилась в себежской тюрьме. Однажды он сказал мне:

— Не сердись, комиссар, пойду в Себеж и узнаю про маму.

Мне, конечно, следовало отговорить Сергея или как-то воспрепятствовать его походу, но я не стал этого делать. Боль его сердца была и моей болью. Сергей про-

ник в город, переодевшись в... женское платье. Роль бедной крестьянки сыграл мастерски. Сумел передать еду матери. Раз еду взяли, значит, жива*.

Возвращаясь в отряд, Моисеенко узнал о том, что фашисты все-таки разместили в Юховичах гарнизон. 26 апреля в местечко прибыло 52 человека из так называемого «добровольного украинского отряда». Командовали ими 7 гитлеровцев. На вооружении «украинцев» были винтовки, гранаты и один чешский пулемет.

— Что будем делать, командир? — спросил я, выслушав его рассказ.

— Большинство «украинцев» или «казаков», как их называют местные жители, очевидно, добровольцы поневоле. Попали в плен, бежать не смогли и согласились пойти на службу к фашистам. Думается, до поры до времени, — рассуждал Сергей. — Нам следует поторопить эту пору. Поначалу письмом, а потом и огоньком можно.

В Долосцах, в доме Пузыни, мы написали несколько экземпляров письма-листовки примерно такого содержания: «Товарищи! Вы поневоле, выполняя приказ бешеных псов-фашистов, пришли сюда, чтобы окрасить кровью своей и своих братьев нашу родную русскую землю. Народ будет презирать вас. Пока не поздно, переходите к нам в партизаны для общей борьбы с врагом».

Ответа на наше обращение мы не получили: впоследствии выяснилось, что человек, пообещавший передать листовки солдатам гарнизона, струсил. И тогда вечером 30 апреля наш отряд приблизился к местечку со стороны деревни Голяши. Из казармы доносились звуки гармошки. К Моисеенко подошли Ира Комарова и Валя Дождева. Последняя предложила:

* Позже Мария Николаевна с помощью переводчика комендантуры спаслась. Больше года находилась в отрядах белорусских партизан, а затем переправилась на Большую землю. Последние годы жила в Ленинграде, у дочери. Умерла в 1977 году.

— Товарищ командир, разрешите нам сходить в разведку. Раз гармонь, значит, веселье. Скажем, на танцы пришли.

— Рискованное предприятие. Гибелью может обернуться. — Сергей задумался, а потом твердо сказал: — Идите.

Полтора часа напряженного ожидания — и Валя докладывает нам, где стоят часовые, сколько народу в казарме. Разделив отряд — он насчитывал в конце апреля 40 человек — на две части, Моисеенко дал команду бесшумно двигаться к казарме, оборудованной в здании школы. Часовой заметил нас, когда мы были от него метрах в пятидесяти-шестидесяти. Выстрелив, он скрылся в здании. Застучали партизанские винтовки. Нам ответил пулемет, но брошенная командиром граната заставила его замолчать. В наступившей на время тишине раздались голоса партизан:

— Бейте фашистов! Переходите к нам! Смерть оккупантам! Хлопцы, айда в лес!

Казарма молчала. Моисеенко дал команду отходить. Мне сказал:

— Молчат «украинцы», не стреляют, — значит, не подчиняются начальникам. Пусть думают. За ворот их в партизаны тащить не будем.

— А мы куда сейчас? — спросил Корякин, исполнявший в отряде обязанности помощника командира.

— На себежские дороги, к мостам. Устроим там тарарам в честь 1 Мая. — Сергей засмеялся. — Люблю грозу в начале мая. Так, кажется, завещали нам поэты-классики, Саша?

— Так-то так, — ответил я, — но для грозы тола у нас маловато.

— Раскаты весеннего грома слышны далеко. Он первый. Услышат люди наши взрывы — и у многих они веру в победу правого дела укрепят.

Прав был Моисеенко. В честь 1 Мая мы подбили

две машины на дорогах. Одна везла баки с горючим. Взорвали мы их. На другой были ящики с патронами. Пополнили за счет их наш боеприпас. А тол употребили для взрыва небольшого железнодорожного моста. Большого ущерба взрыв не причинил, но эхо его прокатилось по Осынщине. В деревнях говорили: «„Сергеевские ребята“ войну продолжают».

Из деревни Боровые разведчики и командир группы Степан Киселев принесли известие, что нас ищут «украинцы», покинувшие казарму. Все они вооружены.

Встреча состоялась в деревне Березнюки. В лес ушло 22 солдата, в прошлом все военнопленные. В ночь с 3 на 4 мая они бросили гранаты в комнату начальника гарнизона, перебили всех гитлеровцев, забрали оружие. В партизаны не пошли в основном уроженцы Западной Украины, но уходу других не препятствовали.

Был митинг. Моисеенко призвал наших новых товарищей воевать смело, оправдывать доброе имя бойца Красной Армии. От пополнения выступил бывший военный фельдшер Иван Кудим. Он сказал:

— Мы слышали про «сергеевских ребят», хотя и недолго пробыли в Юховичах. Будем бить оккупантов, как и вы. Обещаем, что доверие оправдаем.

На митинге присутствовали жители деревни, в том числе много подростков, девушек. И когда заиграла гармонь, началось веселье. Пели советские песни, танцевали. Украинский гопак сменялся темпераментной белорусской полькой, краковяком.

Разные люди пополнили отряд. Были товарищи, которые искренне рвались в бой. Для них плен, хотя и невольный,— пятно в военной биографии. А кое-кто имел и шаткое настроение. Понравился командиру и мне с первых часов пребывания в отряде Иван Кудим. Он находился поначалу в лагере военнопленных в Витебске, потом в Полоцке. Кудим и еще несколько человек со-

здали подпольную организацию в лагерях, но их разъя-
динили. Он попал в Юховичи. В дальнейшем Кудим
храбро воевал, и партизаны не могли нахвалиться им
как «партизанским доктором». При любом удобном слу-
чае, а их было немало, он оказывал медицинскую по-
мощь и деревенским жителям.

Раскаты весеннего партизанского грома (активизи-
ровались не только мы, но и другие группы народных
мстителей) вызвали приток в отряд военнослужащих, по
разным причинам оказавшихся на оккупированной тер-
ритории. Были среди них и средние командиры Красной
Армии. Последнее обстоятельство иногда осложняло на-
ши взаимоотношения: Моисеенко и я хотя и были стар-
шими, но только сержантами.

Из многих, пополнивших наш отряд в мае и в пер-
вые летние месяцы 1942 года, добрым словом хочется
вспомнить Серкова, Марченко, Лысова, Белова. Все
они ныне здравствуют, поддерживают связь с теми, кто
вступил на партизанскую тропу в отряде «сергеевских
ребят».

Василия Серкова война застала, как и меня, в лет-
них военных лагерях, куда он был взят на переподго-
товку. Из лагерей прямо на фронт. Участвовал в боях
под Великими Луками. Раненым попал в плен. Партиза-
нил с 4 мая 1942 года до августа 1944-го. Был рядовым,
командиром взвода, начальником штаба отряда. За му-
жество и умелую организацию боевых действий награж-
ден орденами Отечественной войны II степени и Крас-
ной Звезды.

Уроженец Северо-Казахстанской области, Иван Мар-
ченко начал воевать с врагом в рядах бойцов Красно-
знаменного Балтийского флота. Оборонял эстонскую
столицу Таллин в августе 1941 года. Там же был ранен
и попал в плен. В концлагере уничтожил провокатора,
за что гитлеровцы хотели его повесить. Бежал за не-
сколько часов до казни. В партизанском отряде зареко-

мендовал себя хорошим разведчиком. Долго не расставался с краснофлотским бушлатом, подчеркивая свою принадлежность к морскому орлиному племени. Весной 1943 года Марченко был назначен заместителем командира отряда по разведке. После освобождения Белоруссии от оккупации некоторое время работал в городе Вилейке. Но не выдержал и добился отправки на фронт. Последний бой вел на окраине Берлина.

Довоенная биография Ивана Лысова в значительной мере напоминала мою. Он, как и я, в гражданскую войну потерял отца. С малых лет ему пришлось познать нелегкий труд. Перед Великой Отечественной стал комбайнером — специальность в те годы редкая. В армии окончил полковую школу. И мне довелось в ней учиться в свое время. Боевое крещение Лысов прошел еще в 1939—1940 годах в период советско-финляндской войны. Великую Отечественную встретил в Литве, на границе. 9 августа 1941 года попал в плен. Бежал. К нам пришел летом сорок второго. Отличился в первом же бою — прикрыл пулеметным огнем отход товарищей у железнодорожного моста через реку Свольну. Заслужил право командовать взводом, а в разгар партизанской войны на белорусской земле принял под свое начало отряд имени Сергея. Лысов был достойным преемником Моисеенко, отличался беззаветной отвагой, грамотно руководил подчиненными и пользовался любовью ветеранов — «сергеевских ребят».

Долго скитался по тылам фашистских войск «окруженец» Александр Белов. Чтобы иметь оружие, он ночью на болотном острове разрыл могилу, где, по рассказу деревенского кузнеца, наспех был похоронен с оружием убитый красноармеец. Из могилы достал винтовку, патроны к ней и семь гранат. С ними и пришел к партизанам. Командовал отделением. Был отменным специалистом по добыче трофейного оружия и спрятанного красноармейцами при отступлении в первые дни войны бое-

запаса. В Дриссенской партизанской бригаде работал в особом отделе.

Но вернемся к событиям мая 1942 года. Активизировались тогда не только мы, но и оккупанты. В Себеже, Невеле у них в немалом количестве размещались охранные войска. Не зная точно наших сил — в отряде было в то время 110 человек, — гитлеровцы решили разгромить нашу базу, месторасположение которой им стало известно. Женя Мелихова узнала о подготовке карателей к операции. Мы предоставили им возможность поливать автоматным огнем пустой лес.

В дикой злобе гитлеровцы расправились с семьей наших боевых товарищей Илюши и Тани Михайловых. Ворвавшись в Долосцы, они схватили Степана Егоровича, его жену Агриппину Яковлевну, двенадцатилетнего Федю и восьмилетнюю Дусю, загнали в скотный двор и расстреляли. В последний момент Степан Егорович успел прикрыть своим телом сына. Впопыхах изверги не заметили — пошли поджигать избу Михайловых, — как ящерицей выполз из скотника, весь в отцовской крови, Федя. Долго бежал чудом спасшийся мальчик полем и лесом, пока не упал в объятия брата-партизана.

Молча мы сидели вокруг Михайловых, а Федя изредка говорил несколько слов, не переставая дрожать. Володя Силявский, не стесняясь, плакал. Каратели сожгли и его избу, а что случилось с семьей, он не знал. Гневу нашему не было предела.

— В ружье! — скомандовал Сергей.

Мы знали манеру карателей: после расправы с патриотами в той или иной деревне они с целью грабежа шли в соседние населенные пункты. Решили устроить засаду двумя взводами. В одном из них был Илья Михайлов. Позицию выбрали на довольно открытом месте. Враг никак не мог предполагать, что здесь нарвется на засаду.

Под вечер наблюдатели через связного сообщили:

идет большой обоз, впереди разведка в количестве 8—9 человек. Разведку мы пропустили — солдаты шли беспечно, о чем-то болтали. Обоз растянулся. Как только впереди шедшая подвода сравнялась с правым флангом нашей цепи, мы открыли огонь. Каратели, ехавшие в хвосте обоза, быстро развернулись и ответили сильной стрельбой. Но их пыл угомнил наш пулемет. Лошади встали на дыбы, перевернули повозки и помчались в сторону. Тем временем наши наблюдатели почти в упор расстреляли разведку.

Не прошло и часа, как все было кончено. Каратели отступили, оставив на дороге два десятка трупов и несколько повозок с награбленным добром. Особенно яростно действовал Илюша. Его лимонка взорвалась рядом с головной подводой. Среди убитых фашистов был офицер. Каратели его увезли. Позже в одной из деревень нам сказали, что именно этот гитлеровец приказал расстрелять малолетних Михайловых.

В том бою мы не потеряли ни одного человека. Все были довольны результатом засады. В штабе Моисеенко говорил мне и Степану Корякину:

— Вот так бы всегда и впредь,— и мечтательно добавил: — Будет нас много, целый батальон, а то и полк,— Себеж или Идрицу штурмовать пойдем.

— Объединяться с Дубняком надо, Сергей, мы уже толковали насчет этого,— напомнил я.

— Да. Согласен. В ближайшие дни пойдем большой компанией искать этого белорусского вожака. Добрая у него фамилия. Дуб — дерево могучее. Умеет буре противостоять. — Улыбнувшись, Сергей ласково повторил: — Дубняк.

Еще в апреле до нас дошла весть, что в лесах под Россонами действует партизанский отряд под командованием Дубняка. Рассказы о нем, как на первых порах и о «сергеевских ребятах», обрастали домыслами, но бесспорным был факт: засады и диверсии отряд прово-

дит и смело, и умело. Говорили, что Дубняк не то учитель, не то партийный работник. Мне почему-то казалось, что Дубняк — подпольное имя одного из местных товарищей. Так оно оказалось на самом деле.

Встретиться Моисеенко с Дубняком не пришлось. 18 мая случилась беда. Сергей с частью отряда решил сделать налет на небольшой фашистский гарнизон в Жоглине. В пути напоролись на засаду карателей. Отстреливаясь, наши стали отходить. Сергей узнал, что штаб карателей расположился в Малееве, в здании школы. И тут последовал его опрометчивый шаг. Отправив бойцов на базу, он с двумя разведчиками ночью пошел в Малеево. У здания школы столкнулся с часовым. Тот открыл огонь. Шальная пуля оборвала жизнь Сергея, когда он спускался с холма.

Нужно ли было командиру отряда, насчитывавшего более ста партизан, ходить самому в разведку? Наверно, нет. Но у Сергея всегда был довод: «Я местный, знаю в этом краю каждую тропинку». Да и привыкли «сергеевские ребята» к тому, что у их командира все ладно да складно получается. В те трагические часы об этом, конечно, не думалось. Я потерял друга, отряд — хорошего командира, Родина — своего верного сына. Было невыносимо тяжело.

Степан Киселев с разведчиками сходили в Малеево и привезли на подводе в расположение отряда тело Сергея. Слезы неудержимо катились по лицам бойцов и командиров. Отряд не спал. Были все около Сергея.

20 мая 1942 года ранним утром Николай и Борис Кичасовы, Степан Корякин и я встали в почетный караул. Пятый товарищ первой пятерки «сергеевских ребят» лежал посередине в цветах. Мертвый холод сковал его лицо. Нас сменили Степан Киселев, Илья Михайлов, Володя Силявский и малолетний партизан Федя Михайлов. После них у гроба стояли Ира Комарова, Валя Дождева, Лена Кондратьева и Таня Михайлова. Все

партизаны, за исключением любимой девушки Сергея — Нади, стояли в почетном карауле. Федорова во время перестрелки у Жоглина оторвалась от группы и еще не вернулась.

В 12 часов 30 минут Николай Кичасов построил отряд. Со слезами на глазах я сказал надгробное слово:

— Товарищи! Сегодня от нас уходит наш командир, наш товарищ Сергей Борисович Моисеенко. Уходит из жизни на земле, навсегда, но никогда не уйдет из памяти тех, кто знал его. Немного он жил, но хорошо жил. Храбро защищал Родину. Отныне наш отряд будет называться его именем. Нас ждут бои и новые походы. Будем же достойны своего командира-героя. Вечная ему память! Смерть фашистам!

И десятки голосов ответили:

— Смерть фашистам!

Похоронили Сергея на высоком месте в глухой боровине*. Могилу замаскировали. Салюта не давали, чтобы враги не нашли могилу — каратели были где-то рядом — и не надругались бы над телом Сергея. Сразу после похорон перед строем я объявил, что командиром отряда имени Сергея впредь будет его боевой друг Степан Харлампиевич Корякин, и спросил бойцов, хотят ли они выполнить желание Сергея и объединиться с отрядом белорусских партизан Дубняка. В ответ прозвучало:

— Согласны!

— Идем к Дубняку!

ЗАРЕВО НАД ОЗЕРАМИ

В сторону Вильнюса прогрохотал грузо-пассажирский эшелон. Когда его последний вагон с пулеметной

* Ныне останки Моисеенко покоятся в братской могиле в поселке Идрица.

вышкой на крыше скрылся за поворотом, с земли поднялся человек. Был он высок ростом, худощав, молод. Поднялся, но вскрикнул от боли. Прыжок из оконца товарняка в темень душной июльской ночи не прошел бесследно — на ногу не ступить. И все же человек пошел. Опираясь на палку, он проковылял до кустарника. Ему повезло: попалась тропинка, которая вскоре нырнула в хмурый овраг.

Человек выпрыгнул на полном ходу из поезда не потому, что не мог дождаться очередной станции. Была трагическая необходимость. Конечной остановкой для «пассажиров» товарных вагонов был фашистский концлагерь. Поезд вез туда несколько сот военнопленных. Их ожидали кого смерть, кого каторжные работы в рудниках. А смельчак, совершивший побег со смертельным риском, хотел жить и бороться. Звали его Петр Машеров.

До спасительного прыжка был четырехдневный плен. Небольшая безоружная группа бойцов истребительного отряда белорусского местечка Россоны, пытаясь выйти за линию фронта, не смогла незаметно пересечь Ленинградское шоссе между Невелем и Пустошкой. На защитного цвета гимнастерке Машерова схватившие его фашисты увидели пуговицы со звездочками. «Комиссар», — определил один из гитлеровцев. Машеров был брошен за колючую проволоку на пустыре в Пустошке. На третьи сутки колонну военнопленных погнали в Себеж. По дороге ослабевших от голода и ран фашисты пристрелили, а остальных погрузили в эшелон. Набили товарные вагоны людьми до отказа: не то что сесть, повернуться нельзя.

Неделю пробирался беглец до родных краев. Укрывали его и несжатая рожь, и разлапистые ели-великаны. 5 августа Машеров вышел к Россонам. Здесь жила мать. Здесь была школа, где он преподавал физику. В родном краю он и начал кирпич за кирпичиком, звено

П. А. Галанова (Машерова)

П. М. Машеров

за звеном создавать антифашистское подполье. Его нити протянулись от Россон к Альбрехтову, к Клястицам, Соколищам, Миловидову.

Зашумели весенние ручьи — вокруг Россон, на дорогах к Полоцку загремели взрывы и выстрелы. То начал боевые действия партизанский отряд Дубняка — под этим именем знали Машерова руководители подпольных групп.

Поначалу, как и в нашем отряде, партизан было немного — 19 бойцов. Отряд быстро рос, и к маю 1942 года на его боевом счету значилось несколько удачных засад и других боевых дел. Во время боя 2 мая Машеров был ранен в ногу.

Все это я узнал из рассказов боевых товарищей

Дубняка, частично и от него самого, уже после объединения наших отрядов. А произошло оно в деревне Мыленки Себежского района. Ему предшествовала короткая встреча Машерова и его заместителя Сергея Петровского со мной. Встречу организовал бывший военнопленный врач Глазман, перешедший в отряд из Клястицкого гарнизона «казаков».

Машеров и Петровский, оба высокие, стройные, хорошо одетые, встретили меня приветливо в крайней от озера хате.

— Мы, кажется, коллеги, товарищ Мелихов, точнее товарищи по оружию,— сказал, протягивая мне руку, Петровский.

— По-моему, коллеги и по довоенной жизни,— улыбнулся Машеров. — Я и Сергей Брониславович — учителя по профессии. Вы, как мне рассказывали, тоже. Верно, товарищ Мелихов?

— Верно, товарищ Дубняк, только не Мелихов, а башкир Разитдин Инсафутдинов,— ответил я.

— Прекрасно, товарищ Инсафутдинов. Только не товарищ Дубняк, а Петр Машеров.

Все рассмеялись. Завязалась беседа. Я рассказал о гибели Сергея Моисеенко, коротко о создании отряда, его вооружении. То же сделал и Петровский. Петр Миронович говорил мало, но очень внимательно следил за нашими вопросами и ответами друг другу.

Контакт был установлен. Мы с аппетитом съели белорусскую солянку, приготовленную хозяйкой хаты, и отдали распоряжение связным о следовании отрядов в Мыленки. Машеров сильно прихрамывал. Петровский рассказал мне о доблестном поступке его ученицы Ядвиги Масальской. Девушка укрыла раненого Дубняка в своем домике, лечила его. Однажды к Яде пожаловали «ухажеры» — немец и поляк. Оба фашисты. Девушка отлично сыграла роль «веселой фрейлейн» — пустой хо-

хотушки. Машеров был в эти напряженные минуты рядом — лежал за домотканой занавеской*.

К вечеру 19 мая отряд Дубняка на десяти лодках переправился через Мыленское озеро. Отряд имени Сергея Моисеенко, за исключением четвертого взвода, оставленного для прикрытия дорог со стороны Долосцов и Идрицы, прибыл к месту сбора на подводах и в пешем строю. Белорусские партизаны были вооружены лучше нас. У них имелось несколько пулеметов. Зато с боеприпасами у нас дело обстояло лучше.

Мы с командиром решили сразу выручить наших новых товарищей. У нас было спрятано в лесу несколько ящиков патронов. Утром следующего дня я послал Степана Киселева с двадцатью бойцами за ними. Возвращаясь обратно, Киселев обнаружил у реки строительный взвод гитлеровцев. Они возводили мост, взамен уничтоженного нами в апреле. На берегу реки были установлены два пулемета и миномет. Упустить такой случай Степан не мог. Как только солдаты начали работу, ударили партизанские винтовки. Фашисты вскоре пришли в себя и открыли беспорядочную стрельбу из пулеметов. Наши бойцы отступили к броду, без потерь форсировали реку и продолжали путь. Солдаты, подобранные убитых, ушли в гарнизон.

В тот же день мы провели совещание командного состава двух отрядов. Пригласили на него всех кадровых командиров из числа бывших военнопленных, независимо от того, что часть из них была пока еще в отрядах на правах рядовых. Первым на совещании выступил партизан Иван Иванович Усков, имевший в армии звание старшего политрука. На первый взгляд, все было правильно. Ускову, старшему по званию и годами, и карты, как говорится, в руки. Однако было здесь и

* Ядвига Иосифовна Шестакова, урожденная Масальская, ныне проживает в Сибири.

«но». И немаловажное. В отряде Усков был считанные дни, обстоятельств пленения его никто не знал, «обкатки» партизанской еще не прошел. А вот сговориться кое с кем из новичков-партизан, бывших военнослужащих, он сумел.

Хорошая, горячая речь Петровского о возможностях расширения партизанской войны в нашей округе потонула в почти единодушном хоре голосов товарищей Ускова о необходимости объединенным отрядом двинуться к линии фронта, дабы присоединиться к нашим войскам. Мое резкое возражение против такой постановки вопроса несколько остудило горячие головы. Все же я говорил от имени военнослужащих, уже познавших «соль» партизанской жизни.

— Что скажут про нас местные жители, поверившие нам, если мы уйдем отсюда? — спрашивал я. — А разве партия не призвала советских патриотов вести партизанскую войну на оккупированной врагом территории? Или, быть может, товарищ Усков, — добавил я довольно зло, — имеет особые указания?

Выступление Машерова в какой-то мере разрядило обстановку. Петр Миронович в спокойных тонах сказал примерно следующее: хорошо воевать в рядах армии, но не менее важны партизанские действия в тылу врага; объединение отрядов требует в первую очередь создания боевого коллектива, и главное звено здесь дисциплина, никакой партизанской вольницы. Это — основная задача с первых дней жизни объединенного отряда.

Совещание утвердило командиром отряда Степана Корякина, комиссаром Ивана Ускова, начальником штаба капитана Хардина. Я стал помощником комиссара, Машеров заместителем его по комсомолу. Петровский возглавил разведку. Скомплектовали восемь боевых взводов и один хозяйственный.

Плохо спалось мне в ночь после неоправданно горячих споров на совещании. В голове все время мель-

тешило: «Что-то не так. В чем-то мы ошиблись...» Были и другие мысли. Трудно сейчас, зная, каких высот в нашей стране достиг в послевоенные годы легендарный Дубняк — Петр Миронович Машеров, писать о том, как изумило и обрадовало меня в те майские дни его поведение, но не писать тоже не могу. Дубняк по праву должен был возглавить наш объединенный отряд, но он посчитал необходимым, чтобы его командиром был боевой друг Сергея Моисеенко. Ему принадлежало и предложение именовать объединенные партизанские силы отрядом имени Сергея. Позже, чем больше я узнавал этого скромного, обаятельного человека, тем сильнее убеждался в его мужестве.

Отряд после объединения расположился лагерем в лесу недалеко от деревни Мыленки. Не успели наши хозяйственники угостить бойцов обедом, как разведчики доложили: гитлеровцы в Мыленках. Как выяснилось позже, это были каратели, ищущие «сергеевских ребят». О том, что нас стало вдвое больше, они не знали.

— В ружье! — прозвучала команда Хардина.

Через полчаса Степан Корякин вел около двухсот партизан к Мыленкам. Незаметно выйдя на опушку леса со стороны Белоруссии, мы увидели, что несколько десятков солдат заняты оборудованием позиции для миномета и пулеметных гнезд, а другие около речки приготовились расстрелять какого-то парня.

— Огонь! — незамедлительно скомандовал Корякин.

Стреляли бойцы по-снайперски. Всех гитлеровцев, что были у речки, скосили наши пули. Заговорили вслед за тем и пять наших пулеметов. Враг ответил сильным автоматным огнем. Но тут на позиции фашистских минометчиков произошел сильный взрыв. Противник дрогнул и начал отходить, унося с собой тяжелораненых, в их числе и своего командира.

— Ну вот и начали счет мести за Сергея, — взволнованно сказал мне после боя Корякин.

— Хорошо бы, чтобы ты, Степан, мне такие слова говорил почаще,— ответил я.

В бою за Мыленки мы не потеряли ни одного человека. А нашего полку прибыло. Партизаном стал Сергей Калинин, спасенный нами от верной смерти.

Больше в мае боевых столкновений с гитлеровцами у нас не было. Отряд обживался в районе. Мы очищали окрестные села и деревни от ставленников оккупационных властей, вели непрерывную разведку на бело-русской земле — Россоны — Клястицы и на себежской — Долосцы — Предково, создавали продовольственную базу. В один из последних майских дней я получил ответ на свои ночные раздумья после командирского совещания. Усков и его шесть единомышленников тайно покинули отряд. Пришли к нам без оружия — ушли хорошо вооруженными. У одного из беглецов находилась и наша небольшая касса.

— Видимо, каждый петух дерется как хочет,— сказал Петровский, узнав об исчезновении Ускова.

Корякин выразился определеннее:

— В грязь упадешь — синяков не набьешь.

— Следует, Степан, поискать их,— предложил я Корякину.

На поиски послали взвод. Беглецы как в воду канули.

Пришла в отряд и горестная весть. Мы узнали о гибели Нади Федоровой. При отходе после налета на Жоглино она отбилась от своих. Каратели преследовали ее, но Надя забралась в труднопроходимое болото. Вода по колено. Преследователи не решились туда ступить. Ночью Надя выбралась из своего укрытия, стала искать нас. И тут ее настигла беда — начался приступ аппендицита. Преодолевая боль, девушка доползла до родной деревни. Матери дома не было, а рысьи глаза фашистского прихвостня заметили партизанку.

Рассказала все это нашим разведчикам женщина —

соседка Федоровой. Она видела, как ворвались в дом фашисты и выволокли оттуда полуживую Надю. В деревне Бояриново ее расстреляли. Рассказывали, что она перед расстрелом крикнула палачам: «Нас много, всех не перестреляете!»

Назначение Бориса Кичасова командиром хозяйственного взвода оказалось на редкость удачным. В конце мая мы довольно основательно запаслись зерном, картофелем и даже солью, столь дефицитной в годы оккупации. Борис организовал выпечку хлеба для отряда в деревнях — в красноармейских и партизанских семьях. Конечно, продовольствие пришлось в значительной мере «позаимствовать» на складах оккупационных властей. При этом Кичасов и его бойцы непременно выделяли продукты для детей красноармейцев и беженцев. Последних особо много было из-под Ленинграда.

Однажды при встрече Борис удивил меня:

— Сегодня, Саша, угощу ребят супом из змеев.

— Шутишь, конечно? — озадаченно спросил я.

— Не веришь? Иди посмотри.

Я пошел на полянку, где хлопотали наши женщины. Действительно, в двух больших бочках извивались толстые змеи. Видеть таких мне в наших башкирских местах не доводилось. Заметив мое удивление, партизан из местных крестьян объяснил:

— Рыбы это, не змеи. Называются угри. Водятся в наших озерах в изобилии, — лукаво улыбнувшись, добавил: — А уха получится, коль девчата постараются. Вкуснятина необыкновенная. Вторую порцию попросите.

Девчата постарались. Уха была действительно отменная. Правда, на добавку рассчитывать не приходилось. Как-никак, а семейка наша превышала в те дни две сотни едоков.

26 мая 1942 года Петровский, Машеров и я во главе двух взводов по лесным дорогам добрались до села Чайки. По данным разведки здесь в волостном управле-

нии были составлены списки молодежи для угона в «немецину», да и маслосырзавод работал на полную мощь. Мы с Петровским отговаривали Машерова — он ходил, опираясь на трость, — участвовать в походе. Но Петр Миронович настоял на своем.

Поход в Чайки завершился успешно. Пока отделение партизан во главе с Павлом Суворовым патрулировало сельские улицы — в этот день гитлеровцев в Чайках не было, — мы «демонтировали» маслосырзавод и уничтожили всю документацию волостного управления. Среди бумаг нашли список подростков и девушек, предполагаемых к угону в Германию.

Население приветствовало наш приход. А сколько было радости, когда Машеров объявил собравшимся жителям:

— Товарищи, сегодня мы уничтожили все документы фашистской власти. Завтра уничтожим всех, кто такие сведения будет давать гитлеровцам. Помните: у нас есть только одна власть — наша родная Советская власть.

Раздались голоса:

— Спасибо!

— Ура партизанам!

— Кто из вас Сергей?

Было очень приятно мне и Борису Кичасову слышать этот вопрос. А как ответить на него? Кто-то из партизан показал в мою сторону.

— Скажите, Саша, доброе слово людям, — подтолкнул меня Машеров.

— Сергей сейчас, — обратился я к собравшимся, — на боевой операции — было решено скрывать от населения до поры до времени гибель Монсеенко, — мы — его боевые товарищи. Обещаем: будем рядом с вами до тех пор, пока советский народ не изгонит немецко-фашистских захватчиков с нашей священной земли. Помогайте нам. Не верьте слухам и вранью фашистских пропаган-

дистов. Мы знаем, в вашем селе и в окрестных деревнях немало беженцев-ленинградцев. Передайте им: фашистские утверждения о вступлении в Ленинград — не-сусветная чушь. Город Ленина пережил тяжелую бло-кадную зиму, но не утратил ни силы, ни веры в победу.

Слова мои покрыли радостные восклицания.

Возвращаясь из Чаек, мы сделали засаду на дороге между Клястицами и Юховичами. Не успели располо-житься, тут как тут машина с гитлеровцами. Кто-то из бойцов поторопился выстрелить. Машину мы подбили, но к ней подойти не смогли. Путь преградил сильный автоматный огонь. Вести бой нам было невыгодно: к месту засады приближалась автоколонна.

В первые дни июня большой успех сопутствовал группе разведчиков Владимира Хомченковского. Бутыл-ками с зажигательной смесью она подожгла льнозавод недалеко от шоссе Полоцк — Клястицы. На обратном пути около моста через небольшую речку Вельницу устроила засаду. От местных жителей Хомченковский и Серков узнали: под вечер здесь ежедневно проходит ма-шина с почтой.

— Почитаем, что гансы-поганцы домой пишут, — предложил Хомченковский.

Ребята расположились в зарослях ивняка. Нацелили пулемет на мост. Под его настилом укрылись Василий Россомахин и Михаил Булавский. Ждали очень долго. И терпение увенчалось удачей. Вместо почтовой маши-ны на дороге показался закрытый «оппель» в сопровож-дении мотоциклистов. Чуть поотстав, двигались грузови-ки. Клубы пыли закрывали их, но все же можно было разглядеть — в машинах солдаты.

Следовало ли обнаруживать засаду? При сложив-шемся соотношении сил — нет. И такое поведение ни-кто не поставил бы в вину группе партизан в несколько человек. Но уж очень завидной целью был черный «оп-пель», столь тщательно охраняемый. Да к тому же и

Ф. С. Михайлов

В. А. Хомченковский

Хомченковский не раз отличался в отряде Дубняка смелыми поступками. «Не кровь, а ртуть у нашего Ворона»,— говорил о Хомченковском Машеров, называя своего товарища по подполью конспиративной кличкой. И Володя в этой сложнейшей ситуации блеснул смекалкой и удачью.

С близкой дистанции полетели в легковую машину гранаты Россомахина и Булавского. Пулеметная очередь Хомченковского прошла ее скаты. Удалось на какое-то время отсечь «оппель» и его пассажиров от солдат, прыгавших с грузовиков. Из машины выскочили четверо гитлеровцев. Один из них был в генеральской форме. Укрывшись в кювете, они открыли огонь из пистолетов. И тогда Хомченковский, передав пулемет Вик-

тору Езутову, бросился под мост, с фланга подполз к офицерам.

Почти одновременно направили друг на друга оружие матерый фашист генерал и молодой комсомолец-партизан. Самозарядка Хомченковского выстрелила на секунду раньше. Генерал рухнул в кювет. Под жестким автоматным огнем Хомченковский метнулся к «оппелю» и завладел генеральским портфелем, а Михаил Постников забрал у убитого «вальтер» и личные документы.

— Отходим! — подал команду Хомченковский.

Смельчакам удалось скрыться. Группа потеряла лишь одного человека: Россомахин, первым метнувший гранату в гитлеровцев, был сражен насмерть автоматной очередью врага.

Судя по документам, убитый генерал инспектировал охранные войска тылового района группы армий. Портфель из крокодиловой кожи был набит бумагами с ценными сведениями. Командование отряда решило переслать их за линию фронта в штаб 4-й ударной армии. К этому времени мы уже знали о ее существовании вблизи оккупированных районов Калининской и Витебской областей. Нужна была нам и радиосвязь с войсками фронта. По предложению Машерова эту задачу возложили на группу партизан в семь человек во главе с Владимиром Хомченовским.

Походу группы в советский тыл были рады все, но особенно бойцы семейные. Многие с Хомченовским отправляли письма родным — первые с оккупированной территории. Я тоже послал письмо семье. Написано оно было арабским алфавитом, чтобы мать могла прочесть его. Латинского алфавита она не знала. Кстати, это письмо и сейчас хранится в моей семье — реликвия тех далеких, незабываемых дней.

Как в отряде «сергеевских ребят» ядро составляли те, кто первыми ушел в Богомолковский лес, так и в от-

ряде Дубняка его цементировали товарищи Машерова по подполью: Сергей Петровский, Владимир Хомченковский, Виктор Езутов, братья Гигелевы — Петр и Николай, оба весьма сведущие в военном деле, Владимир Щуцкий, Мария Шаркова, Полина Галанова — хозяйка явочной квартиры россонского подполья, зубной врач по профессии. Красивая, добрая, смелая. Под этими словами подпишется каждый партизан, кто знал в подполье, в отряде, а позже в бригаде доктора Галанову. Нелегко складывалась у нее жизнь. В семье отца было восемь детей. Рано пришлось бросить учебу. Стала прядильщицей на фабрике искусственного волокна. Работала по-стахановски. И училась. Получив диплом, приехала в Соколищи Россонского района. Здесь Галанову и застала война. А дальше все замелькало, как в калейдоскопе. Военный госпиталь. Окружение под Невелем. Семидневный плен. Смелый побег по дороге в Полоцк. И до ухода в лес несколько месяцев пребывания на краю пропасти — прием в зубном кабинете фашистов, полицаев, провокаторов и... связных к Дубняку и от него.

Володя Щуцкий учился в школе у Машерова, хотя и был только на четыре года моложе своего учителя. Из школы в армию. Невдалеке от границы первый бой. Ранение. Плен. Дерзкий побег — прополз под колючей проволокой рядом с часовым, — и в конце скитаний по оккупированной территории случайная радостная встреча с учителем, руководителем подполья.

После ухода группы Хомченковского отряд передислоцировался в район озера Лисно. Лагерь разбили в сосновом бору в пяти километрах от населенного пункта. Место глухое и живописное, а главное, близко к латышской земле и к Освейскому району Белоруссии. Там весной начал действовать отряд партизан под командованием бывшего директора МТС Ивана Кузьмича Захарова. Узнали мы об этом от его разведчиков

Михаила Кошелева и Григория Лукашонка. Договорились о встрече.

Через два дня она состоялась. Корякин, Машеров и я в сопровождении нескольких товарищей направились в лагерь освейских партизан. На сердце было радостно: силы партизанские росли!

Захаров, невысокий плотный человек, подробно ознакомил нас с обстановкой в районе, посетовал на отсутствие связи с Большой землей — у нас ее тоже не было, — сказал, что связан с партизанами-латышами группы Александра Грома. А выслушав информацию о наших силах и боевых делах, предложил:

— Давайте, дорогие соседи, ознаменуем нашу встречу совместным боем. В Латвии на границе с нашим Освейским районом есть местечко Шкяуне, русское название — Полищино. Оккупанты там расположили склады, различные учреждения, держат гарнизон. Состоит он наполовину из немцев, наполовину из айзсаргов — латышей. Гром говорил, что власти Шкяуне усиленно ведут сейчас учет работоспособной молодежи с целью угона ее в Германию.

— А что за парень этот латыш с такой громкой кличкой? — спросил Корякин.

— Гром не конспиративное имя, а фамилия. Отчаянно смелый парень. Сгусток энергии плюс крылатая решимость. И ребята у него в группе под стать командиру. Они еще в конце прошлого года под видом корчевателей пней для смолокуренного завода подались в лес. Связали нас с ними молодые подпольщики деревни Прошки. Гром и его товарищи хорошо вооружены, знают кое-кого в Шкяуне.

— Где они сейчас? — поинтересовался Машеров.

— В разведке. Хотя солдаты гарнизона ведут себя довольно-таки беспечно, нельзя забывать два обстоятельства. Подходы к местечку невыгодны для налета: озеро да болота. Если бой затянется — к немцам подой-

дет подмога. Невдалеке погранзаставы. Вы, наверное, слышали о создании их на старой государственной границе.

Рассказывал Захаров спокойно. Чувствовалась в нем большая убежденность и сила. Нам вожак освейских партизан понравился. На следующий день он побывал в нашем лагере. Мы уточнили план налета на Шкяуне, численный состав участников операции, отобрали гранатометчиков из числа бывших военнослужащих. План налета основывался на замысле помощников Грома пригласить в субботний день немецких пограничников в гости с обильной выпивкой, предполагалось также засадами на трех дорогах отрезать возможный подход подмоги гарнизону, штурм провести молниеносно.

Основными силами отряда мы накануне скрытно, минуя деревни и хутора, подошли к белорусской деревне Прошки. В дороге нас встретили латыши-разведчики. Все, как на подбор, рослые, крепкого телосложения.

— Богатыри, настоящие богатыри,— говорил, мягко улыбаясь, Машеров.

— Какие богатыри? Мы корчекопы. Целмлаужи — добыватели смолы,— весело отшучивался Гром.

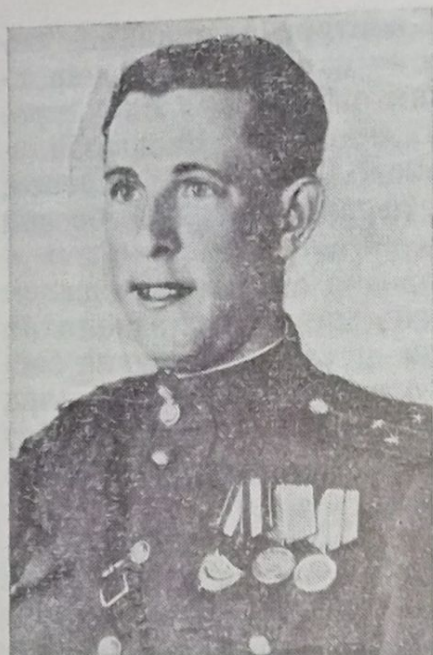
Захаров был прав, давая ему столь лестную характеристику. И при налете на Шкяуне и позже я убедился, что к Грому вполне подходят слова, сказанные генералом Брусиловым об одном полном георгиевском кавалере: «Он никогда не отказывал револьверу и пулемету в ответах на их огненные вопросы». Общительный и веселый, Александр Гром, однако же, не рассказывал в отряде свою биографию. А была она у него примечательная, несмотря на молодые годы. Сын крестьянина-бедняка, в шестнадцать лет он уехал в Ригу. Работал маляром и быстро свел знакомство с людьми, которые вели подпольную работу. В дни, когда Латвия стала Советской республикой, комсомолец Гром трудился в

органах НКВД, обезвреживал контрреволюционное ох-
востье президента Ульманиса, сметенного волной народ-
ного гнева. Одним из последних он покинул оккупиро-
ванный фашистами родной край, но вскоре со спецзада-
нием появился в Лудзенском уезде. Таков был человек,
чьи разведанные обеспечили первый крупный боевой
успех отряда имени Сергея.

Теплая июньская ночь плыла над озерами, когда мы
вышли на исходный рубеж. Пушистые облака заволокли
небосвод. Бойцы Грома помогли штурмовой группе бес-
шумно миновать границу. С нею шли Захаров, Корякин,
Машеров, Петровский. Командир взвода Галим Ах-
медьяров из отряда Захарова и я командовали засада-
ми на дорогах.

Гром с товарищами мастерски сняли часовых, унич-
тожили патруль. Два револьверных выстрела при этом
не всполошили загулявших солдат-пограничников. В
темное небо взмыла ракета. Сигнал. Человек восемьде-
сят партизан ринулись по неширокому проходу на ули-
цы Шкяуне. Дружно застрочили партизанские пулеметы,
автоматы, ударили винтовки. В ответ — редкий огонь.
Внезапность нападения сыграла решающую роль — фа-
шисты и айзсарги оказали слабое сопротивление. Наши
бойцы быстро заняли почту и здание волостного управ-
ления. Большой силы взрыв в районе складов осветил
район боя, который продолжался еще несколько минут.
Из полицейского участка доносились выстрелы. Распо-
лагался участок в кирпичном здании со специально обо-
рудованным для обороны подвалом. Захаров приказал
поджечь здание.

Помощь гарнизону была направлена по Зилупскому
шоссе. Броневик и две грузовые машины с солдатами
попали под пулеметный и минометный огонь бойцов
Ахмедьярова. Потеряв несколько человек и своего пред-
водителя — лейтенанта жандармерии, гитлеровцы от-
ступили.

Г. И. Казарцев

Д. П. Машерова

Над озером и местечком полыхало зарево, когда я, оставив часть бойцов на дороге, с одним взводом поспешил в Шкяуне. Нужно было форсировать погрузку трофеев. А они, как мы и предполагали, были немалые. Все наши и мобилизованные подводы полнились мешками с белой мукой и сахаром. Нам досталось много обуви и одежды, так необходимых большинству партизан, конечно, оружие с боеприпасами.

Главный итог ночного налета — частично уничтожен, частично рассеян фашистский гарнизон, уничтожены волостное и полицейское управления со всеми находившимися там документами, телефонная станция, сожжены три склада. Немаловажно было и другое — удар партизаны нанесли там, где их не считали за силу, способ-

ную громить гарнизоны, вести открытый бой. Правда, на первых порах командование охранных войск гитлеровцев приняло наш налет за нападение десанта Красной Армии. Но население знало, что разгром вражеского гарнизона — дело партизанских рук.

Почти на километр растянулась наша колонна на обратном пути. Двигались осторожно, с боевым и тыловым охранением. В Шкяуне все еще полыхал пожар. На дневку остановились в лесу неподалеку от Прошек. Отдохнули. Вволю побаловались чаем и сахаром. Многие наши товарищи впервые за месяцы партизанской жизни пили сладкий чай.

— Заглянем в почтовые посылки немцев, — предложил Корякин.

— Стоящее дело, — поддержал я командира.

Распечатали. В офицерских обнаружили бекон, мед, отрезы материала, кожгалантерею, в солдатских — обувь, ношенные платья, детскую одежду.

— Сволочи, — не выдержал кто-то из партизан, — небось последнее у ребятишек забрали. Гады треклятые!

Вскоре разведка донесла, что к Прошкам двигается рота солдат. Это была «визитная карточка» карательной экспедиции, срочно организованной против нас командованием охранных войск. Как после выяснилось, участвовало в ней до 900 человек.

Отряд гитлеровцев и айзсаргов вошел в Прошки, но затем направился не по нашим следам в сторону деревни Красово, а вокруг озера, на Освею. Кто-то из прошковских жителей показал карателям ложное направление. И все же было очевидно: боя нам не избежать. Фашисты на всех перекрестках дорог сделали засады. Их засекали наши разведчики. Нас предупреждали о ловушках и добровольные помощники — деревенские жители, укрывшиеся в лесу. Маневр наш стеснял большой обоз.

Короткое командирское совещание. Небольшой спор о том, куда идти. Решили двигаться к Лисно. Пошли вдоль берега Освейского озера. Бездорожье, болота, туман. Пересекли шоссе южнее деревни Нижнее Любасно. На рассвете темная росистая чаща леса поглотила отряд.

В Лисно расположились удачно. С правой стороны от нас плескались воды широкого озера Лисно, слева шумел бор, впереди находилась извилистая река Свольна с деревянным мостом неподалеку. Отсюда мог появиться противник. Здесь мы и сосредоточили огневой заслон. Два наших взвода и взвод Галима Ахмедьярова закрепились вдоль южного берега озера и на высоте вблизи церкви. Обоз отправили в лес, замаскировали.

Ждать пришлось недолго. В лесу раздалась стрельба. Это наши разведчики — ими командовали братья Гигелевы и освейский партизан старший лейтенант Кузьмин — обрушили огонь своего оружия на гитлеровцев. Те почему-то двигались без боевого охранения и были наказаны за беспечность. Фашистов было много. Придя в себя, они открыли минометный огонь. Он не причинил вреда нашей разведке. Гигелевы, задержав фашистов на некоторое время, отвели бойцов в сторону и поспешили к отряду.

Бой у Лисно продолжался свыше двух часов. Сначала каратели действовали «навалом» — одна цепь атакующих сменяла другую, но наши пулеметчики быстро остудили их пыл. Особенно яростно стучали ручные пулеметы прошкинского подпольщика Василия Лукашонка и молодого латыша вблизи моста через Свольну. Латыш лежал метрах в пятнадцати — двадцати от дороги. Кругом рвались мины, свистели пули, а он, не обращая внимания на них, кричал:

— Патроны! Патроны!

Я находился на левом фланге нашей оборонитель-

ной позиции, у церкви. Низом по берегу речки пробрался к дороге. Невдалеке вел огонь из автомата Машеров. Он показал рукой в сторону латыша:

— Лихой пулеметчик. Орел!

— Кто он? — спросил я.

— Имант Судмалис. В Прошках появился недавно. Гром опознал его. Говорил, что до войны Судмалис был на комсомольской работе.

Так мои пути скрестились с легендарным героем Великой Отечественной войны — одним из организаторов героической обороны Лиепайи буквально в первые часы фашистского нашествия на нашу страну. Об этом своим новым товарищам — партизанам секретарь Лиепайского уездного комитета комсомола, член ЦК ЛКСМ Латвии Имант Судмалис не рассказал. Он начал путь на партизанской тропе рядовым пулеметчиком.

Гитлеровцам удалось поджечь церковь. И тут появились три вражеских самолета. Однако бомбить нас они побоялись. В ста метрах от партизан лежали каратели. Атаковать наши позиции они уже не решались.

Сигнал на отход. Боеприпасы на исходе. Перебежками партизаны устремились к лесу. Часть бойцов отходила на лодках. Судмалис и несколько автоматчиков прикрывали отход. Последним вплавь через Свольну покинул место боя Степан Корякин.

Каратели не преследовали нас. Заняв Лисно, они подожгли несколько хат. Затем, погрузив убитых и раненых, их было немало, на подводы, направились в сторону Освеи. А мы вскоре разъединились. Отряд Захарова, отряд имени Сергея и группа партизан-латышей пошли в свои обжитые места. Расставаясь, говорили:

— До скорой встречи!

— До новых совместных боев!

ПОД БРИГАДНЫМ ЗНАМЕНОМ

Бригада, как показал опыт войны в тылу врага, наиболее удобное партизанское формирование для нанесения массированного удара по гарнизону противника, для масштабной операции на железной дороге, для рейдирования. Уже осенью 1941 года бригады создавались у ленинградских партизан. Несколько позже они появились в Белоруссии, на Брянщине, у калининских и смоленских партизан.

Белоруссию по праву называли республикой-партизанкой. Ее 1108 партизанских отрядов объединяли более 370 тысяч народных мстителей. Отряды стали костяком крупных партизанских формирований. Одним из первых таких формирований стала бригада «За Советскую Белоруссию». В ней мне и первым «сергеевским ребятам» довелось воевать с июля 1942 года до полного изгнания немецко-фашистских захватчиков с белорусской земли.

Бригады рождались не на голом месте. Как правило, их создание было подготовлено действиями местных партизанских отрядов, антифашистского подполья, кропотливой работой подпольных райкомов партии. Исключение составляли специальные рейдовые бригады. Тому пример Вторая особая партизанская бригада разведотдела штаба Северо-Западного фронта.

Рождение нашей бригады также обуславливалось всем тем, что удалось сделать отрядам Дубняка, Захарова, «сергеевских ребят», окруженца Родиона Артемьевича Охотина. Последний был создан в районе деревни Межево. В нем находился первый секретарь Россонского подпольного райкома партии Варфоломей Яковлевич Лапенко. Толчком же к непосредственному формированию послужил приход в наш край спецотряда Красной Армии под командованием капитана Петракова. Случилось это вскоре после боя в районе Лисина.

Трудно сейчас вспомнить, да это и не столь важно, кто из командиров предложил разделить отряд имени Сергея на три. Опыта управления разросшимся отрядом ни у кого не было. А хотелось охватить своим влиянием большую территорию, получить лучшую возможность для маневра. В чем-то это разделение себя оправдало, кое в чем мы просчитались. Но, как бы там ни было, второй месяц лета 1942 года мы встретили, разбившись на три части. Отряд под командованием Машерова стал называться имени Щорса, отряд Петровского — имени Кирова, отряд имени Сергея сохранил свое прежнее наименование, но командиром его вместо Корякина стал Александр Овсянников.

Среднего роста, коренастый, с голубыми глазами на красивом лице с маленькими усами, Овсянников не производил впечатления командира-рубача, но в бою был хладнокровен и смел. Пришел он к нам в мае в числе других окруженцев, среди которых пользовался авторитетом и имел прозвище Батя. Плохой чертой характера нового командира было непонимание того, что дружки не одно и то же, что друзья. Да и похвалу любил он черпать ковшом, а не суповой ложкой. Этим стали пользоваться бойцы, еще не прошедшие через горнило партизанских испытаний.

Когда разведка доложила о появлении спецотряда — партизаны назвали его отрядом «фронтовиков» — в районе дислокации Охотина, я предложил командиру:

— Давайте пойдём к «фронтовикам». И новости узнаем, и попросим связь с нами держать.

— Всем отрядом не стоит. Сходи сам, комиссар, с группой. Разведай, что и как, — сказал Овсянников.

Я не стал возражать и 7 июля отправился в сорокакилометровый путь. Со мной пошли Николай Кичасов, Ира Комарова, Николай Антонов, Леонид Койфман, Степан Киселев, Владимир Паруль и еще несколько бойцов. Шли лесом, через болото, попавшуюся речку

преодолели вплавь, так как все мосты через нее были уничтожены партизанами. Заглянули в деревню, где жила мать Хомченковского.

— Где Володя? Почему он не навещает меня? — с тревогой в голосе спросила Ирина Карповна.

— Жив Володя. Он сейчас далеко вато от этих мест, на задании. Но сведения от него есть. Жив он, — успокаивала мать нашего героя Ира Комарова.

Перекусив, двинулись дальше. В деревне Горяни Селявинского сельсовета, приютившейся на высоком берегу живописного озера, взяли проводника. Им согласилась быть белокурая девушка-подросток. Звали ее Олеся. Согласилась, сказав:

— Проведу. Но сначала должна сходить в одно место. Одна.

Некоторые из нас были одеты в немецкое обмундирование. Олеся это показалось подозрительным. Думали, что не вернется, но она вскоре пришла и просто предложила:

— Пойдемте.

Олеся Паршенко довольно быстро провела нас к лагерю Охотина, на обратном пути на предложение Комаровой: «Оставайся с нами. Ты нам очень понравилась», улыбнувшись, ответила:

— Хорошо. Только захватим с собой мою подружку Веру Михайлову.

Не прошло и получаса, как две девушки, без горького прощания с родными, одетые по-летнему, зашагали навстречу трудной, полной неизвестности жизни. Олеся — в бригаде ее звали Люсей — оказалась ученицей Петра Мироновича Машерова. И какой способной ученицей! Разведчица Паршенко всю партизанскую войну была рядом со своим учителем. И когда отгремели ее грозы — тоже. Долгие годы Ольга Тихоновна Бармичева (Паршенко) — инструктор ЦК Коммунистической партии Белоруссии.

В. П. Шущкий

А. И. Петраков

Встреча с «фронтовиками»... Вам, дорогой читатель, трудно представить, сколь радостным событием была она для всей нашей группы, особенно для Николая Кичасова и для меня. Ведь ровно год прошел с тех трагических дней, когда братья Кичасовы, я и Степан Корякин остались вчетвером после последнего боя нашего полка. И за этот год ни одной встречи с представителями родной армии. Невезучие были мы в этом отношении, что ни говори.

Мы шли около кювета прямой, как стрела, дороги. В бинокль я увидел: впереди группа военных наблюдает за нами. В голове мелькнуло: «А вдруг примут, судя по разношерстной форме, за немцев или полицаев и откроют огонь?» Приказал Комаровой:

— Ира, иди вперед. Ты в красной косынке. Догадываются, что свои.

И вот мы рядом. Около Охотина стоит моложавый, худощавый военный. На петлицах поблескивают капитанские «кирпичи». Я подхожу ближе и рапортую:

— Товарищ капитан, к вам прибыла разведка партизанского отряда имени Сергея. Докладывает комиссар отряда Инсафутдинов, сержант 524-го стрелкового полка 113-й дивизии.

— Петраков, командир спецотряда. — Капитан протянул мне руку. — Пошли в штаб, сержант.

По лесной дороге мы дошли до хутора, где размещался штаб «фронтовиков». Рядом с домом у бревенчатого сарая лежал связанный гитлеровец. Около него стояло несколько красноармейцев. Товарищи, сопровождавшие меня, остались с ними, а я вошел в дом. Петраков познакомил с начальником штаба спецотряда старшим лейтенантом Владимиром Дорменевым и комиссаром Александром Романовым, предложил:

— Рассказывайте, товарищ Инсафутдинов.

— О чем? — спросил я.

— Обо всем, — улыбнулся Петраков. — Мы люди пришлые, и нам все будет интересным — и как рос отряд, и как воевали. Есть ли у вас помощники в деревнях? Как настроены люди? Что знаете о фашистских гарнизонах?

Рассказывал сжато. Говорил о главном. Мне очень понравилось внимательное, деликатное отношение к моему рассказу со стороны капитана Петракова. Я все же волновался. Как-никак вроде отчитывался и за себя, и за всю нашу красноармейскую четверку, оставшуюся в тылу врага, перед представителями командования Красной Армии. В конце рассказа передал комиссару дневник Сергея Моисеенко.

— Ну что ж, судя по всему, даром время в тылу врага вы не теряли и своей красноармейской чести не

уронили. Верно, товарищи? — обратился Петраков к комиссару и начштаба. Те согласно кивнули головами. — Теперь, товарищ Инсафутдинов, будем воевать вместе. Поначалу ваш отряд поступит в оперативное подчинение нашему войску. Прочтите вот этот документ. Он выдан Политуправлением Калининского фронта.

Документ предлагал всем действующим в тылу врага отрядам и группам войти в подчинение командира партизанской бригады капитана Петракова Андрея Ивановича. Начштаба попросил меня письменно выразить согласие о подчинении отряда имени Сергея спецотряда. Когда я это сделал, он сказал:

— Вот вам и первое от штаба боевое задание. За нами по следу шли в большом количестве гитлеровцы. Сейчас их сдерживает отряд товарища Охотина. Помогите ему.

Мы сразу же спешно двинулись в обратный путь. По дороге я рассказал товарищам о своем разговоре с Петраковым. На следующий день были на базе своего отряда. На подмогу Охотину командир идти отказался, сославшись на недомогание. Чувствовалось, что он не в восторге от подчинения спецотряду. Мне сказал:

— Действуй, комиссар, приказ есть приказ.

С тремя взводами я направился в указанный Дорменевым район. На этот раз со мной были почти все ветераны отряда: Корякин, Михайлов, Дождева, Кичасовы, Комарова, Киселев, Суворов. Всем хотелось побыстрее свести знакомство с «фронтовиками». Незаметно приблизившись к деревне, битком набитой карателями, мы подожгли два моста на их пути к отряду Охотина. Но к этому времени значительные силы гитлеровцев уже находились на хуторе, где размещался штаб Петракова. Стрельбы там не было слышно, но полыхал пожар.

— Очевидно, отряд снялся, не приняв боя, и углубился в лес, — предположил Корякин.

Так оно и было. Правда, гитлеровцам досталось от... пчел. На хуторе была пасека. Солдаты жадно набросились на мед, поломали улья. Ну а пчелы отчаянно атаковали пришельцев.

Отойдя примерно километра три, мы наткнулись на часовых-красноармейцев. Они остановили нас, предупредили, что сейчас сюда придет начальник штаба. От него я получил указание возвращаться на базу и ждать связных, так как обстановка изменилась.

И снова мы на марше. У переправы через речку, услышав шум автомашин, устроили засаду. Бой был короткий и нетрудный. К мосту подошла лишь одна машина с несколькими вражескими солдатами в кузове. Автомобиль подбили, фашистов перестреляли. Нашими трофеями стали шесть винтовок, один парабеллум, гранаты и четыре новеньких велосипеда.

— Ну вот и своим транспортом обзавелись,— сказал Корякин.

— Велосипед — машина интеллигентная. Где уж тебе, медвежатнику, на нем ездить. Под тобой, Степан, мотоцикл в дугу согнется,— не оставил без иронического замечания слова друга Борис Кичасов.

В лагере нас ждала неприятность. Некоторые бойцы были сильно навеселе. Я остановил одного из бывших «украинцев», спросил:

— Почему в таком виде?

— Батю угощали,— незлобиво ответил он.

Овсянникова я нашел в шалаше.

— Как сходил, комиссар? — спросил он.

Язык командира заплетался. Я не стал отвечать. Спустя некоторое время у нас состоялся резкий разговор. Овсянников ершился недолго, чувствовал себя виноватым.

Без меня в лагерь наведались два командира из спецотряда — Георгий Казарцев и Шайхуш Нигамаев. Партизаны встретили их восторженно. Полетели вверх

Ш. Н. Нигамаев

А. В. Романов

шапки. Раздались крики: «Ура Красной Армии!» От нас они ушли в отряд Захарова.

Через три дня Овсянникова и меня вызвали в штаб бригады. Там уже были Захаров, Машеров, Охотин, Петровский и другие товарищи. Капитан Петраков еще раз ознакомил нас с решением командования об объединении партизанских сил в бригаду «За Советскую Белоруссию». Сказал, что этот вопрос обсуждался с партийным руководством области и с секретарем Росонского подпольного райкома партии товарищем Лапенко. Горячо говорил комбриг об основных задачах бригады: развертывании в более широких масштабах партизанской войны в районах Полоцка и Идрицы, усилении ударов по важнейшим коммуникациям против-

ника. Комиссар бригады старший политрук Романов попросил дать сведения о политсоставе, наличии коммунистов и комсомольцев в отрядах. Начальник штаба бригады старший лейтенант Дорменев изложил несколько чисто штабных указаний. Все обрадовались, узнав, что в штабе есть рация и теперь ежедневно можно будет получать информацию о положении на фронтах.

Появление спецотряда и объединение нас в бригаду открыло для меня, и не только для меня, новую грань боевой деятельности Красной Армии. До сих пор мне думалось: армейские формирования ведут гигантское сражение с одной стороны линии фронта, партизаны в меру своих сил воюют с другой, как бы параллельно. Оказывается, в штабе и политуправлении фронта имелся партизанский отдел и занят он был согласованием усилий армии и партизан, подготовкой кадров для борьбы в тылу врага, засылкой спецотрядов на оккупированную территорию и многими другими делами.

Спецотряды — золотая страница летописи подвига Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Как правило, небольшие, в несколько десятков человек, они действовали и в полосе своего фронта, и проникали в глубокий вражеский тыл. Вели разведку, устраивали диверсии на важнейших коммуникациях противника, оказывали помощь партизанам оружием, взрывчаткой, учили их подрывному делу, выводили за линию фронта семьи партийного и советского актива, выполняли другие задания. Не всегда и далеко не все возвращались на Большую землю.

В спецотряды люди отбирались тщательно, обычно из числа тех, кто уже «нюхал порох», был мастером на все руки — и минер, и автоматчик, и разведчик, а уж коль пришел смертный час, то и его умел превращать в оружие. «Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза». Эти слова Дмитрия Фурманова были

девизом бойцов спецгрупп в бою или в застенках гестапо.

И в спецгруппе Петракова было немало таких людей. Они с первых дней существования нашей бригады вносили в нее неукротимый дух боевой активности, высокой дисциплинированности. Не могу не сказать особо о комбриге и его заместителе по разведке Казарцеве.

Андрею Ивановичу Петракову исполнилось тридцать лет, когда началась война. Человек не военный, по образованию инженер, крупный специалист московского института «Проектстальконструкция», он в первые же дни пребывания в саперной части показал себя настолько мужественным и зрелым командиром, что, когда штабу 29-й армии потребовался руководитель спецгруппы для выполнения важного задания, выбор пал на него.

62 дня, в самое тяжелое время битвы за Москву, рейдировал отряд Петракова в районе Нелидова и Западной Двины, действуя партизанскими методами. Рация отряда передала много ценных сведений в разведотдел штаба фронта. Участвовал Андрей Иванович в боях за город Калинин. Ходил в тыл врага еще раз зимой 1941/42 года. Взрывал мосты на стальных магистралях, минировал шоссейные дороги. А летом 1942 года провел через «Суражские ворота», так называлась брешь в немецкой обороне между Велижем и Усвятами, спецотряд на белорусскую землю. Перед отправкой к нам с ним беседовал командующий Калининским фронтом генерал-полковник Иван Степанович Конев.

Георгий Казарцев был на восемь лет моложе Петракова. Родился он в Усть-Каменогорске. Его отец, Иван Иванович, в годы гражданской войны оборонял Царицын, партизанил в тылу колчаковских войск, участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. Рассказы отца пробудили у подростка горячее желание стать погра-

ничником. Война застала комсомольца Казарцева на афганской границе. В числе семи лучших бойцов заставы в июле сорок первого года он был отправлен на фронт. Попросился в тыл врага. Стал разведчиком в спецотряде Петракова. Был ранен. Из госпиталя сбежал. И опять военная судьба свела его со своим командиром. Решили не расставаться.

Оба быстро завоевали авторитет среди местных партизан. Умели они и спросить с бойца, умели добрым словом и подбодрить, а при необходимости и по душам побеседовать. Как-то один партизан после разговора с Петраковым сказал: «Поговорил с комбригом — и сто камней с плеч». Эти слова стали своеобразным афоризмом и нередко в дальнейшем повторялись в отрядах бригады.

Солидная боевая биография была и у Александра Васильевича Романова, ставшего комиссаром бригады. В армии он служил с 1939 года. Участвовал в освободительном походе советских войск на Западную Украину. Фашистское нашествие встретил в приграничье. В ходе жарких боев попал в окружение, а затем в плен. Совершил побег из концлагеря, после чего пришел в спецотряд.

Для полноты картины следует сказать, что не все «фронтовики» правильно понимали условия, в которых родилось партизанское движение, тактику местных отрядов. Так, в одном из донесений командованию — документ хранится в фондах партархива Белоруссии — говорилось: «Местное руководство противится передислокации отрядов... Территориальный принцип организации ведет к свертыванию боевых действий и превращению партизанских отрядов в отряды самообороны...»

Стремление с ходу, без учета обстановки, создать чуть ли не партизанскую армию, противопоставить рейдовую тактику борьбе в зоне носило, конечно, как теперь я хорошо понимаю, скоропалительный характер.

И тут надо отдать должное товарищам Лапенко и Петракову — они довольно решительно и умело поборолли такие настроения и устремления.

Ничто не может так сплотить людей, объединить отряды в дружный боевой коллектив, как совместное участие в крупной наступательной операции. И комбриг отдал приказ готовить взрыв большого железнодорожного моста через реку Дриссу. В отрядах, конечно, не знали, какая предстоит операция, но все последние дни июля бойцы были заняты сбором тола и неразорвавшихся снарядов. Десятки групп в разных направлениях буквально рыскали по берегам рек, по местам, где шли бои. Помогали нам жители, особенно вездесущие подростки. За трое суток только наш отряд собрал более 100 килограммов взрывчатки.

В сохранившемся небольшом дневничке Андрея Ивановича Петракова 1 августа 1942 года была сделана запись: «Усиленно готовлюсь к нападению на Бениславский мост. Уже почти все есть: около четырехсот килограммов тола, артиллерия — три 45-миллиметровые пушки... Тол в ящиках решаем спустить к мосту на платформах...»

По двадцатиметровому мосту через Дриссу в районе платформы Бениславская ежедневно проходили десятки (!) воинских эшелонов противника. Мост не раз бомбили советские авиаторы. Бомбы падали рядом, накрывали на перегоне эшелоны, а мост оставался целехоньким. Фашисты не исключали возможности диверсии, оберегали объект большими силами, но мощного удара со стороны партизан, конечно, не ожидали.

В плане подготовки операции Петраков главное отводил разведке. И ее блестяще осуществил Георгий Казарцев. Весь двадцатикilометровый отрезок железной дороги по обе стороны моста, гарнизон, охранявший его, соседние гарнизоны были обстоятельно изучены лично Казарцевым и группами разведчиков Владимира

Хомченковского — он благополучно вернулся из-за линии фронта — и Дмитрия Веселова из спецотряда. Участвовал в разведке и пятнадцатилетний Ваня Егоров — воспитанник разведчиков 29-й армии.

Незадолго до начала операции меня вызвали в штаб бригады. Комбриг огорошил словами:

— Товарищ Инсафутдинов, вам придется расстаться со своим отрядом.

— Почему? — невольно вырвалось у меня.

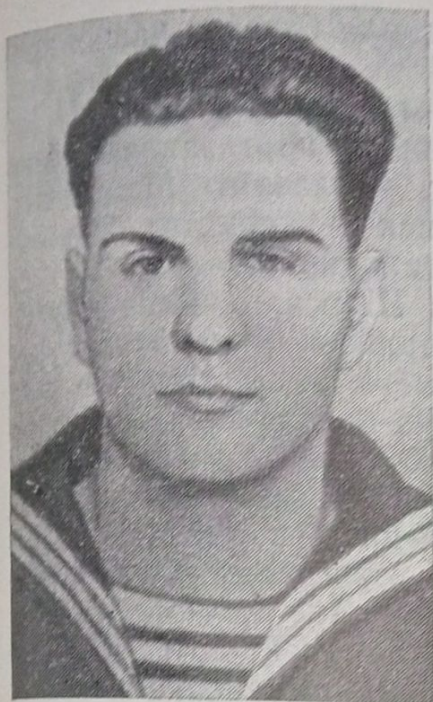
— И не только вам, — не отвечая на мой вопрос, продолжал Петраков, — но всей вашей первой четверке «сергеевских ребят». Есть мнение поручить вам сформировать новый отряд в районах, где вы начинали партизанить. У вас там хорошие связи. Завтра расставайтесь со своим отрядом. Двинетесь в путь после одной большой операции, которую мы готовим. Временно прикомандируем вашу четверку к отряду Машерова.

В штабе я получил пакет с приказом. Встретил там Петра Мироновича, чему был несказанно рад. Он очень беспокоился о матери. Дарья Петровна Машерова с первого дня появления сына в Россонах после побега из железнодорожного эшелона стала его верной помощницей. Петр Миронович не раз предлагал ей укрыться в лесу в отряде, но Дарья Петровна неизменно отвечала: «Зачем для меня делать исключение? Буду жить, как и другие партизанские матери». В Россонах начались аресты.

Из штаба бригады я вернулся поздно вечером. Вручил пакет командиру и сразу направился к шалашу, где лежали братья Кичасовы, Корякин, Илья Михайлов и Володя Силявский. Друзья не спали. К нам подошел Степан Киселев. Я сообщил новость.

— Дела... — неопределенно протянул Корякин.

— Выходит, для вас четверых работа начинается сызнова, — сказал Киселев. Остальные промолчали. Степан попросил: — Раз так, то прошу вас, мальцы, побы-

Е. М. Мелихов

В. И. Кудашев

вайте у моих, скажите, что жив и ни черта со мной не случится. Дело прошлое: когда был ранен, как ни старался скрыть, мама узнала. Беспокоилась очень.

— Зайдем, конечно, зайдем,— пообещал я.

Теплая ночь смотрела на нас миллионами звезд. Спать никому не хотелось. В соседних шалашах давно уже смолкли разговоры, а наш все еще журчал, как неторопливый лесной ручеек. Быть может, в ту июльскую ночь каждый из нас, как никогда раньше, ощутил силу душевной привязанности друг к другу.

Вечером 3 августа 1942 года отряд имени Щорса, в котором находились теперь Корякин, Кичасовы и я, подошел к деревне Рудня. Туда стягивались и другие отряды. Жители впервые видели такое большое количе-

ство партизан. Восхищение вызвала батарея наших противотанковых орудий.

— Войско! Целое войско! — говорили крестьянки.

Старушки осеняли подходивших партизан крестным знаменем, прижимали платки к глазам. Мальчишки все время вертелись около пушек и пулеметов. Настроение у всех было радостное, приподнятое.

По плану операции отряды Щорса и имени Сергея наносили основной удар по гарнизону платформы Беннславская и мосту. Остальные отряды держали под огнем железную дорогу в разных местах влево и вправо от моста. На группу подрывников во главе с Петром Мандрыкиным — старший лейтенант из спецотряда — возлагалась задача подвезти на плоту взрывчатку к мосту и взорвать его. Мандрыкин увел своих людей вверх по течению Дриссы к деревне Узречье.

«Сергеевская четверка» находилась в штурмовой группе Петра Гигелева. Наступившие сумерки и туман позволили нам незаметно занять позицию вблизи моста. Общее руководство штурмовыми группами осуществлял Петр Машеров.

Ночь — хоть глаз выколи. И тишина. Такая, что было слышно, как стучат сапоги часовых о железный настил моста. Судя по всему, фашисты не подозревали о присутствии партизан. Но вот сквозь морозящую даль стали просматриваться огромные металлические фермы, вырисовывалось большое кирпичное здание казармы. Мы ждали сигнала: выстрела наших пушек. Артиллеристы молчали. Мешал туман, кутавший мост и Дриссу.

И тут прогремели глухие взрывы слева и справа, вдалеке от моста. Это вышли на железнодорожное полотно наши группы прикрытия. Из казармы стали выбегать к окопам и дзотам гитлеровцы. Мешкать теперь было нельзя, и Петраков приказал:

— Огонь!

Впервые в нашем крае партизанскому налету пред-

шествовала артиллерийская подготовка. Она продолжалась минут двадцать. Хорошо поработали наши пушкари! Первые снаряды накрыли казарму, преградили солдатам путь к дзотам. Следом ударили наши станкачи. Стрелял из пулемета по казарме и я. Вел огонь и радовался: не разучился! Рядом со мной лежал Петр Гигелев. Сквозь грохот стрельбы слышал его одобрителные слова:

— Хорошо, комиссар! Еще очередь! Еще!

А по реке плыл плот. Он приблизился к мосту.

— Атака! Резерв в бой! — приказал комбриг.

— Вперед! За мной, товарищи!

Это кричал Машеров.

— У-р-р-а-а! — раскатисто загредело у высокой железнодорожной насыпи.

К штурмовавшим бойцам на помощь подоспел отряд «Бесстрашный». Несколько минут рукопашного боя — и вот уже по шпалам и настилу моста бегут партизаны. Узнаю Степана Киселева, Овсянникова в развевающейся плащ-палатке... Смолк последний вражеский дзот. И почти в тот же миг плот причалил к «быкам» моста. Две красные ракеты прочертили воздух — сигнал к отходу.

Три минуты напряженнейшего ожидания. Огромный столб дыма и сквозь него яркие молнии метнулись к небу. Земля содрогнулась. В воздухе взметнулись обломки рельсов, обрубки шпал. Взрыв разметал тяжелые мостовые конструкции, фермы рухнули в Дриссу.

В тот день, 4 августа 1942 года, в дневнике комбрига Петракова появилась итоговая запись об операции: «...Вот это победа! Все работали четко и хорошо. Все задачи были выполнены согласно намеченной схеме».

Завоевали мы эту победу малой кровью. Несколько партизан — Огурцов, Щуцкий и другие получили ранения. Гарнизон фашистов у платформы Бениславская был уничтожен полностью.

Более чем на полмесяца прекратилось движение поездов через Дриссу. На ближайших станциях скопились вагоны с военной техникой, другими грузами гитлеровцев для фронта. Этим воспользовались наши летчики. Огромен был и политический резонанс первой крупной операции бригады «За Советскую Белоруссию»: начался новый приток людей в партизанские отряды. Как на пороховой бочке чувствовали себя теперь оккупанты в Россонах, Освее, Дриссе.

Еще не улеглась радость от победного боя на берегах Дриссы, а наша «сергеевская четверка» уже шагала лесными тропами к поселку Лисно. Вместе с нами шел и командир нового партизанского отряда Петр Альшанников, бывший подпольщик из группы Машерова в Россонах. Отряд мы решили назвать именем легендарного героя гражданской войны Котовского.

Стоянку для отряда облюбовали в лесу, неподалеку от деревни Голяши Россонского района. Кругом болота, окруженные лесом. Переночевав на еловых ветках, утром 8 августа разошлись по деревьям на вербовку. В Юховичах я и Николай Кичасов встретились со старыми друзьями: Михаилом Игнатовичем, Петром Микшасом, Александром Цветниковым.

— Хорошо, что пришли, а то мы чуть было не подались к калининским партизанам,— рассказывал Игнатович.— Здесь поблизости ходит группа не то лейтенанта, не то капитана Лебедева. Она мобилизует в отряд всех военнообязанных. Отчаянные мальцы.

— По старому знакомству давайте к нам,— сказал я.— Завтра сбор.

— А с оружием как? — спросил Кичасов.

— Кое у кого из ребят есть винтовки, патроны.

На следующий день на указанном месте нас ждали 27 парней из Юховичей. Несколько человек из деревни Реуты привел Альшанников. На вооружении отряда было десяток винтовок и станковый пулемет.

Все последующие августовские дни отряд пополнялся людьми. Михаил Матьков и Иван Исакин — военно-служащие, бежавшие из фашистского плена. Голяш — ветеринарный врач, отец четверых детей. Люба Масленок — медицинская сестра. Иван Сипкович, Иван Комаров... И еще. И еще.

Вербовать не приходилось. Не успеваешь, бывало, начать разговор с парнем о партизанских делах, как слышишь в ответ:

— Согласен. Зараз соберусь.

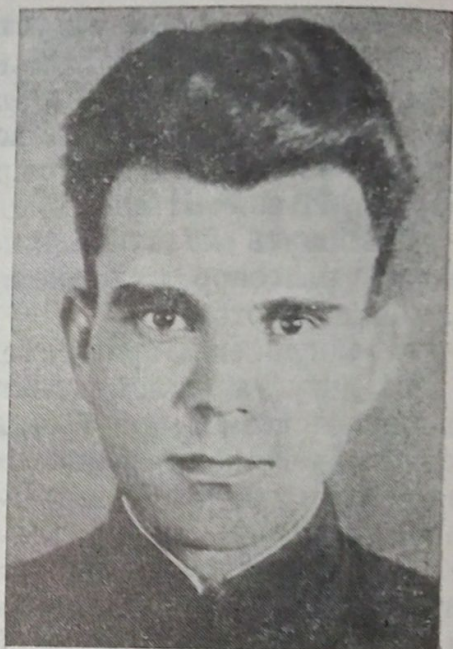
24 августа был отдан первый приказ по отряду за подписью командира Петра Альшанникова и начальника штаба Николая Кичасова. Скомплектовали 4 боевых взвода по два отделения в каждом и хозвзвод. Командирами взводов назначили младшего лейтенанта Ивана Исакина, старшего сержанта Бронислава Антоновича, лейтенанта Карпа Семенова, старшего сержанта Михаила Матькова, Ивана Борохо. Корякин, как было намечено в штабе бригады, стал заместителем командира отряда, я — комиссаром.

В первых числах сентября отряд имени Котовского бригады «За Советскую Белоруссию» принял боевое крещение. Мы уничтожили мост через реку на шоссе Себеж — Полоцк и пустили под откос вражеский эшелон на полустанке Кузнецовка, фактически под носом у большого себежского гарнизона гитлеровцев. Отличились при этом Михаил Игнатович, Василий Кудашев, Петр Микшас.

Вскоре отряд испробовал свои силы в засаде. От группы разведчиков, старший Иван Исакин, командир отряда ежедневно получал точную информацию о движении фашистского транспорта на дорогах Осынщины. Решено было перехватить врага у кладбища деревни Осыно. В засаду засели ночью. Ждать пришлось долго, но не безрезультатно: около девяти часов утра на дороге показались два больших автобуса. Они шли от

Вера Михайлова

И. И. Марченко

Себежа в Долосцы. Николай Кичасов предупредил молодых бойцов:

— Без команды не стрелять. Будем бить в упор. Ни один фашист не должен уйти.

И не ушли. Были уничтожены: обер-лейтенант, три ефрейтора и шестнадцать солдат. Автобусы сгорели. Мы захватили столь нужное нам оружие. Среди других трофеев оказались два ящика хозяйственного мыла. Рады были ему женщины Осына.

Альшанников, Кичасов, Корякин и я на привале вблизи деревни Боровые обменялись впечатлениями от боя. Поведение в нем молодых партизан, впервые стрелявших по врагу, не вызвало нареканий. Хорошо показали себя пулеметчики Валентин Тыкун и Иван Борохо. Потеряли мы одного бойца. От взрыва неудачно бро-

шенной Бумаком второй гранаты — первая угодила под автобус — он был смертельно ранен.

На Осынщине от населения мы узнали об активных действиях отрядов калининских партизан в Себежском и Идрицком районах, под Пустошкой и Кудеверью. Рассказывали о сильном бое в лесу между деревней Алоль и поселком Идрица — уже после войны я узнал, что вела его небольшая молодежная бригада старшего лейтенанта Георгия Арбузова против нескольких сот карателей, — о дерзких налетах на фашистские гарнизоны отряда «какого-то учителя». Партизан Григорий Масков из Осына уверял, что знает его, называл фамилию — Марго.

Так заочно я познакомился с бывшим заведующим Себежским районным отделом народного образования Владимиром Ивановичем Марго. Его отряд в последние дни лета объединил многие партизанские группы, прочно осел у старой латвийской границы, а осенью превратился в бригаду.

Наращивали боевые удары и отряды нашей бригады. Артиллерийскому обстрелу подвергся фашистский гарнизон в Россонах. Был выигран бой с карателями — более 800 человек, — прибывшими в деревню Селявшина. Удалось жестко блокировать вражеские гарнизоны в Клястицах, Соколищах и Сивошно. В блокаде, кроме наших отрядов, принимала участие молодая партизанская бригада под командованием Родиона Охотина. Гитлеровцы не выдержали: 19 сентября 1942 года они покинули Россоны, Клястицы и другие населенные пункты. Бежали в Полоцк и Себеж. Партизанские отряды преследовали беглецов, трепали их по дороге.

20 сентября партизаны шагали по улицам Россон. Над местечком вновь взвился красный флаг. Но не все герои подполья и наши боевые помощники увидели его. За неделю до бегства фашисты после мучительных пыток расстреляли на берегу озера партизанских связных:

Прасковью Дерюжину — мать троих малолетних детей и Франтишку Иосифовну Масальскую, семью Виктора Езутова, жену Петровского — Друзу и Дарью Петровну Машерову.

Партизанская связная Нина Шалаева, сидевшая в одной камере с матерью Машерова, поведала о последних часах жизни жертв кровавого разгула гестаповцев в Россонах. Нине удалось бежать из Полоцкой тюрьмы, куда она была переведена. Девушка стала партизанкой отряда имени Щорса.

«...Пытки Дарья Петровна переносила как-то спокойно. Сказать героически — это будет не совсем верно. Лучше сказать — как-то по-крестьянски мудро. Голос ее был всегда ровный, особенный... Как она любила своих сыновей, Павла и Петра, — трудно передать. Как сейчас вижу: мы лежим на нарах вниз лицом, а Дарья Петровна говорит. Временами стучит пулемет на крыше, а она все рассказывает... Вот Петенька окончил институт... Вот Павлуша стал директором школы...» *

Последним приветом этой мужественной белорусской женщины сыновьям и их боевым друзьям прозвучали слова:

— Передайте нашим: мы были и остались людьми!

Не погрешу против совести, сказав: горе Петра Мироновича Машерова было и моим горем, и горем всех, кто знал и любил его.

Накал народной войны осенью 1942 года, согласованные действия белорусских, калининских и латышских партизан привели к освобождению от оккупантов большой территории. В тылу врага образовался Партизанский край. Он охватывал Россонский, Освейский и частично Дриссенский районы Витебщины, южную часть

* Из письма жительницы города Борисова Нины Сергеевны Шалаевой ленинградскому писателю Николаю Масолу.

Себежского, Пустошкинского, Идрицкого и западную часть Невельского районов Калининской области. В народе ему дали прекрасное имя — Братский.

В Братском крае базировались многие партизанские формирования. Сюда прилетали самолеты с Большой земли, привозили оружие, медикаменты. Отсюда народные мстители уходили на операции к важнейшим коммуникациям врага. На границах края яростно сражались с карателями. И признавалась здесь только одна власть — Советская.

ЧЕСТИ НЕ УРОНИЛИ

— Алярм! Тревога! Алярм!

Слова эти раздались в Себеже в ночь на 1 января 1943 года. Они подняли гитлеровцев на ноги. И тех, кто спал, и тех, кто бражничал за новогодним столом. По городу палили пушки. Снаряды рвались рядом с казармами.

Фашисты не знали, произойдет ли после артиллерийского обстрела налет на гарнизон. Не ведали и того, с кем придется сражаться: с партизанами или с десантом Красной Армии. Заняв по приказу коменданта города оборону, солдаты и офицеры гарнизона провели остаток ночи в снегу, проклиная русскую зиму и «лесных бандитов» — партизан.

Огонь по себежскому гарнизону врага вели через озеро артиллеристы калининской партизанской бригады, командир Лисовский, и отряда имени Сергея бригады «За Советскую Белоруссию». В походе к Себежу участвовали и мои старые друзья: Степан Киселев, Ира Комарова, Оля Паршенко, Илья Михайлов, Василий Серков, Валя Дождева, Лена Кондратьева. После тридцатиминутного «концерта» партизаны покинули берег озера.

С. Х. Корякин

Спустя несколько дней выстрелы партизанских пушек раздались на латышской земле. В ночь на 13 января 1943 года более 800 русских, латышских, белорусских и литовских партизан обрушились на вражеские силы в крупном опорном пункте оккупантов — волостном центре Вецслабода, что в 35 километрах от города Лудза. Особо отличился при налете отряд латышей под командованием Вилиса Самсона. Он появился из-за линии фронта на стыке республик в конце 1942 года. Пробился сюда с боями.

Разгром фашистов в Вецслабоде имел большой отзвук в Латвии. В восточные районы республики, к партизанам, стали пробираться группами и в одиночку патриоты из Риги,

Резекне, Двинска и других мест, люди, не сломленные оккупантами.

Первые месяцы 1943 года знаменовали собой начало нового этапа партизанского движения. Теперь все чаще партизаны проводили свои операции крупными силами. Для меня новый год послужил своего рода водоразделом. До него все мои помыслы и действия были связаны с «сергеевскими ребятами», с отрядом имени Сергея. Широкий разлив народной войны весной и летом

1943-го разметал нас по отрядам. Я порядочное время оставался комиссаром отряда имени Котовского, потом был назначен помощником начальника штаба бригады имени Рокоссовского — так стало в дальнейшем именоваться соединение, оставшееся после отпочкования от бригады «За Советскую Белоруссию» некоторых отрядов. Боевые дела того времени — другой рассказ. Поэтому свои воспоминания я завершаю коротким повествованием о судьбах ветеранов — «сергеевских ребят» и беглым обзором действий нашей бригады, которой в 1943 году командовал А. В. Романов, а комиссаром партизанского соединения был П. М. Машеров.

А. А. Белов

Андрей Иванович Петраков был вызван в Москву. В Центральном штабе партизанского движения хотели подробно ознакомиться с действиями нашей и нарождающихся бригад, как говорится, из первых уст. Комбригу Петракову было что доложить начальству. В архиве института истории партии Белоруссии хранятся данные, о которых говорил Петраков в Москве. С 712 человек бригада за три месяца выросла до 1490 бойцов и командиров. На вооружении имела 82 ручных пулемета, 12 станковых, 14 орудий, 17 минометов. Отряды бригады провели полтора десятка крупных операций, спустили под откос 15 железнодорожных эшелонов, уничтожили

ли 9 мостов на стальных магистралях и более 100 на шоссе и большаках, подбили три самолета.

Мы ждали возвращения в бригаду комбрига, а пришла весть о его гибели. С группой партизанских командиров и партийных работников он вновь шел в тыл врага. Нарвались на засаду. Короткий жестокий бой. Уцелели немногие. Один из них рассказал, что раненый Петраков сражался до последнего. Он слышал его предсмертные слова. Командование бригады принял тогда ее комиссар Романов.

Война да и первые послевоенные годы дали немало примеров «воскрешения из мертвых». Так случилось и с нашим любимым комбригом. Раненый, оглушенный, он попал в руки врага. На мой вопрос при радостной встрече: «Как выжили в фашистском аду?» — Андрей Иванович ответил: «Выжил. А как, сам не знаю. Дважды бежал...» Нелегко было ему и восстанавливать правду о своем добром имени.

Андрей Иванович Петраков и по сей день в строю. Он долгое время был главным конструктором отдела одного из крупных научно-исследовательских центров Москвы. За доблестный труд награжден орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени. Нечасто приезжаю я теперь в столицу, но каждый раз мой первый визит к человеку, который в памяти всех живых «сергеевских ребят», да и не только их. Этот человек был, есть и будет примером редкостного мужества, большой душевной красоты.

Хорошо шагала по широким партизанским дорогам в 1943 году бригада имени Рокоссовского. В январе — марте яростно сражалась она вместе с другими — калининскими, белорусскими и латышскими формированиями партизан с двумя крупными карательными экспедициями. Против партизан были брошены тысячи солдат, артиллерия, танки, авиация.

В разгар третьего военного лета бригада приняла

активное участие в операции «Рельсовая война», разработанной Центральным штабом партизанского движения и имевшей стратегическое значение. Одновременный удар по стальным магистралям наносился на дорогах протяженностью почти в тысячу километров силами 541 отряда (!) орловских, смоленских, белорусских, калининских, литовских, ленинградских и латышских партизан. Мы уничтожали рельсовое хозяйство на железнодорожных путях между станциями Поставы, Воропаево, Глубокое, Круливщина, Будслав.

После моего и еще нескольких ветеранов ухода из отряда имени Сергея на формирование других партизанских подразделений там произошло событие, взволновавшее всех. Отряд выполнял задание в новой зоне — в Западной Белоруссии. В значительной мере по вине командира Александра Овсянникова чуть было не погиб. Противник окружил его превосходящими силами в районе села Язно. Этому «чуть» помешали решительные действия «фронтовика» Шайхуша Нигамаева и начальника штаба Василия Серкова. Исправляя оплошность командира, погибла небольшая группа разведчиков старшего лейтенанта Петра Мандрыкина — героя взрыва моста через Дриссу. В этой группе был и наш славный товарищ Володя Селявский.

Отряд не выполнил задание, и Овсянникова постигла самая суровая кара. Можно было бы не применять ее? Думается, что да. Прошли годы, и вот поведение Овсянникова и его двух-трех дружков дало, к сожалению, повод автору одной из книг о боевой деятельности белорусских партизан* бросить тень на доброе имя отряда. Мне хочется здесь привести отрывок из справки о боевой деятельности отряда имени Сергея, составленной по просьбе первого секретаря ЦК Коммунистической партии Белоруссии П. М. Машерова партархивом

* «На земле непокоренной». Минск, 1962.

института истории партии при ЦК КПБ. Справка датирована 24 мая 1973 года*. В ней, в частности, есть такое свидетельство:

«...В приказе по бригаде имени К. К. Рокоссовского по случаю двухлетия со дня организации отряда имени Сергея от 26 января 1944 года говорится, что этот отряд — один из лучших боевых отрядов в бригаде, он дал много опытных партизанских командиров, что имена его организаторов — Сергея Моисеенко, Николая Кичасова, героически погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Разитдина Инсафутдинова, Бориса Кичасова, Степана Корякина будут вписаны в историю партизанского движения».

Нет! Не уронили чести «сергеевские ребята». Они храбро воевали: кто вплоть до расформирования бригады в июле 1944 года, кто до своего смертного часа.

Отрядом имени Сергея после Овсянникова командовали капитан Николай Синько, участник советско-финляндской войны, Шайхуш Нигамаев, пришедший в тыл врага в группе Петракова, Иван Лысов. Все они достойно наследовали боевую славу Сергея Моисеенко.

Особо скажу о Нигамаеве. Татарин. Уроженец Молотовской, ныне Пермской, области. До войны учитель. В первые ее дни — заместитель политрука. По характеру, манере поведения он походил на комбрига Петракова. Бойцы его любили и не случайно он заменил на посту комиссара бригады Машерова, когда Петра Миновича назначили секретарем Вилейского подпольного обкома комсомола.

Иногда в рассказах о войне даже из уст участника боев можно услышать слова: «Смерть была рядом. К ней привыкли...» Необдуманные это слова. Конечно, на войне не без жертв, но привыкнуть хоронить тех, кто шел с тобой рядом под свинцовым дождем, чье сердце

* Справка хранится в личном архиве писателя Н. Масолова.

билось в унисон с твоим, нельзя. И забыть их нельзя. Ни Илюшу Михайлова, погибшего в бою в последние дни партизанской войны на белорусской земле. Ни Володю Хомченковского, чье тело в изуверской злобе гитлеровцы изуродовали штыками и ножами, не сумев захватить живым разведчика в рукопашной схватке. Ни павших смертью храбрых при штурме фашистского гарнизона братьев Гигелевых, ни Николая Кичасова, ни наших боевых подруг Таню Михайлову, Лену Кондратьеву, Веру Михайлову.

Высокое чувство товарищества не покидало моих друзей в минуту смертельной опасности и тогда, когда уходила жизнь. В ноябре 1943 года большая группа партизан караулила на большаке Постава — Воропаево обоз гитлеровских мародеров. Засаду фашисты обнаружили. Чтобы не дать гитлеровцам развернуться, Степан Киселев — он в то время был начальником штаба отряда имени Сергея — с кличем «Ура! Вперед!» кинулся к дороге. Конвой обоза был сильным. Завязался бой. Автоматная очередь перебила Киселеву ноги, прошила грудь. К нему подбежала Олеся Паршенко.

— Уходи! Все отходите! — приказал Киселев.

— Молчи, Степа, молчи, — просила Олеся, пытаюсь перевязать его раны.

Суворов и Паршенко вынесли друга из огня, но спасти Степана не удалось.

— Возьми, Люсенька, — прошептал Киселев и затих.

В руках умиравшего был дневник, с которым Степан никогда не расставался. Вел он его с первых дней войны. Среди разных интересных записей нашла Олеся и такие строчки: «Если скажут, что наши славные девочки станут другими, никогда не поверю...»

Прав был Степан. Не стали наши девушки из числа «сергеевских ребят» другими. И спустя сорок лет они такие же добрые, дружные, а когда надо — решительные, принципиальные. Лишь время припудрило слегка

их головы, и стали они обладателями почетного титула «бабушка». Ирина Николаевна Гвоздева (Комарова), Валентина Дмитриевна Серкова (Дождева), Ольга Тихоновна Бармичева (Паршенко) живут и работают в Минске. Валя и Оля шагают по жизни рука об руку с товарищами по войне. Их мужья Василий Серков и Виталий Бармичев из нашего партизанского племени.

В Минске жил и работал до последних дней Герой Советского Союза Петр Машеров. На посту первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии он снискал народную любовь. По дороге к людям трагически оборвалась его жизнь в осенний день восьмидесятого года.

У гроба Петра Мироновича склонили головы вся Белоруссия.

Разметала жизнь по стране моих боевых друзей. Степан Корякин обосновался у знаменитого озера Хасан; Борис Кичасов, Иван Лысов, Георгий Казарцев (далеко пошел наш лейтенант-разведчик, стал генералом) и Павел Суворов «прикипели» к белорусской земле. Наш юный партизан Федя Михайлов водит автобусы по ленинградским проспектам. Евгений Мелихов, Иван Исакин, Петр Власов трудятся на Псковщине. Далеки географически от моей родной Башкирии и другие товарищи по партизанским тропам, но сердцами близки. Вот и идут более сорока лет весточки-письма из города Октябрьский, где живу я со своими детьми и внуками, во все концы нашей необъятной Родины. Много таких писем-«ласточек» прилетает и под крышу моего дома — улица Трудовая, 25.

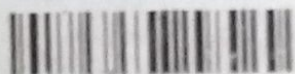
Радуют они. В их строчках пульсирует жизнь со всеми ее радостями и печалью, жизнь, во имя торжества которой шли мы в смертный бой. В их строчках и воспоминания о грозных годах войны. Забыть ее не дает нам благодарная и тревожная память. И это прекрасно, ибо человек без памяти — что дерево без корней.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С. Соколов. Они были первыми	3
На поклон к истокам Синей	6
Идем в бой	9
Нас осталось четверо	17
Патриоты	24
Верные сердца	31
Мы — боевая единица	38
Весеннего грома раскаты	50
Зарево над озерами	63
Под бригадным знаменем	84
Чести не уронили	105

40 коп.

ozon.ru
..... выберите

1070364822